

ЛЮБОВЬ ШАФИРО

Оборотная сторона
холста

Любовь Шапиро

Оборотная сторона холста

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42887151

*Оборотная сторона холста: Accent Graphics Communications; Montreal;
2019*

Аннотация

В мире европейской живописи сенсация пропала картина известной английской художницы русского происхождения «Двойной портрет».

Никто точно не знает, что или кто на нем изображен. Но рисунок открывает загадку придворной портретистки мадам Трушански и неизвестного мужчины. Поиски портрета – это только начало тайн, которые нам предстоит открыть, читая роман. У каждой Тайны есть оборотная сторона. У большой любви есть счастье и несчастье.

У каждой картины есть оборотная сторона холста, на которой написана история целого мира, в котором были счастливы два молодых начинающих человека. Война разделила их жизнь, как и миллионов других на много оборотных частей – потерь и встреч, геройства и предательства, но любовь была всегда. Юрий и Анни расстались – он уехал на фронт, а она в эвакуацию. Но не доехала. Всю войну он ищет её, а она его. Их счастье оказалось коротким. Они очутились в разных странах. Судьбы их не должны

были пересечься, но Анни нашла Юрия. И через много лет они встретятся один раз. Но вся их жизнь – это повесть о необъятной любви.

«Оборотная сторона холста» перевертывает судьбы всех персонажей романа. В нем нет однозначного ответа, как в жизни любого человека.

Тайны их бытия волнуют всё больше и больше, когда вчитываешься в судьбы героев. Ничто не вечно под луной, кроме большой любви...

Содержание

1980 год	10
Энни 1963 год	19
1980 год	22
Юрий 1967 год	25
1980 год	26
Энни 1965 год	27
1980 год	29
Юрий 1945 год	34
1980 год	35
Энни 1947 год	37
1980 год	39
Галина 1938 год	43
1980 год	44
Юрий 1939 год	46
1980 год	49
Энни 1946 год	55
Юрий 1948 год	56
1980 год	57
Энни 1939 год	58
1980 год	61
Юрий 1938 год	62
1980 год	64
Галина 1939 год	65

1980 год	66
Галина 1939 год	67
1980 год	72
Юрий 1941 год	73
1980 год	76
Юрий 1939 год	79
Энни 1939 год	80
1980 год	82
Галина 1940 год	84
1980 год	85
Энни 1939 год	86
1980 год	89
Юрий 1939 год	90
1980 год	91
Энни 1975 год	92
Галина 1940 год	93
Энни 1940 год	95
Юрий 1941 год	99
1980 год	100
Юрий 1941 год	101
1980 год	103
Энни 1940 год	104
Галина 1940 год	106
1980 год	107
Энни 1940 год	108
Юрий 1940 год	110

1980 год	112
Энни 1943 год	113
1980 год	114
Галина 1968 год	116
Юрий 1940 год	117
Энни 1940 год	119
1980 год	120
Юрий 1943 год	121
1980 год	122
1980	123
Галина 1941 год	124
1980 год	125
Энни 1975 год	127
Энни 1941 год	129
Галина 1941 год	130
1980 год	132
1980 год	134
Юрий 1941 год	136
Энни 1941 год	138
1980 год	139
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Любовь Шапиро

Оборотная сторона холста

© Л. Шапиро

* * *

Любовь Шапиро

Любовь Шапиро начала писать книги только в сорок четыре года. Родилась в Москве в проезде Художественного театра (Камергерский переулок). Видимо, это определило её судьбу.

Л. Шапиро – Художественный руководитель театра-кабаре «Летучая мышь» им. Гр. Гурвича. Преподавала в РАТИ, работала на телевидение – была сценаристом ряда цикловых программ, посвященных жанрам кабаре и мюзикла. Одновременно начинает писать книги. Лучше всего зная театральный мир, автор пишет на театральные темы детективно – любовно – авантюрные романы: «Закулисные страсти», «Дневник романтической дуручки», «Жизнь – это кабаре», «Моя бабушка – Золушка» или «Жизнь злой девочки», «В сорок лет жизнь только начинается», «Я люблю дышать и только»

Читайте – это то, что нужно сейчас!

1980 год

Мне не хотелось идти в родительскую квартиру. Вернее, квартира была нашей общей. Но после смерти отца я сняла комнату в коммуналке и перестала посещать отчий дом. Говорят, что если в помещении часто скандалят, то «дух» этих ссор остается и витает вокруг вас. В нашем доме не было как таковых споров или пререканий. Родители почти не общались между собой, а мать разговаривала со мной сквозь зубы. Отец меня очень любил, и мы часто шептались у мольберта. Мы прятались от матери и её бесконечных вздохов и недовольства, которые были ярко выражены на лице. Так было не всегда. Долгие годы меня холили и лелеяли оба родителя. Однажды, что-то произошло и всё кончилось. Семья разделилась, и больше уже не было общих чаепитий и благодушных бесед. Мне так никто ничего не объяснил. Я же была сначала слишком мала, чтобы охватить детским умом тайны, окружавшие моих предков, а потом и вовсе привыкла. Даже появилась некоторая выгода для меня. То, что запрещала мама, обязательно разрешал отец. Только бабушка с дедом, отцовские родители интеллигентно качали головами в знак несогласия с воспитанием единственной, горячо любимой внучки.

Я, неторопливо, нехотя несла ноги в сторону подъезда, уговаривая себя, что всё равно нужно забрать счета из почто-

вого ящика и оплатить их. Не мешало вытереть пыль и проветрить квартиру. Главное, почувствовать, смогу ли я вернуться в отчий дом и не чесаться от напряжения, которое весит уже много лет в воздухе нашей квартиры.

Подойдя к почтовым ящикам, я не глядя, вытаскивала залежавшиеся квитанции и параллельно оглядывала подъезд, который недавно был покрашен, вернее сказать, замазан краской, которая уже начала отслаиваться, хотя запах её ещё сохранился.

Заперев ящичек, я вяло перелистывала квитки, одновременно подсчитывая задолженности и деньги, которые у меня остались после оплаты коммуналки. Уже почти поднявшись на наш бельэтаж, я увидела, нет скорее нащупала нехарактерный плотный конверт. Вытянув его из кипы счетов, я в темноте лестничного прохода рассмотрела печатные буквы, смешанные с латинскими прописными. Убыстрив подъем, суетливо вставив ключ в скважину, я крепко сжимала непонятный конверт.

В прихожей, как обычно, горела всего одна лампочка. Потолок был высокий, и нужно было каждый раз либо приглашать кого-то из друзей, либо электрика, чтобы ввинтить лампочки. Желание ни у кого не возникало, а сейчас и вовсе ни к чему.

На конверте был написан наш адрес. Адреса отправителя не было. Печать тоже отсутствовала. Видимо, письмо просто положили в наш ящик. Понять, когда это произошло тоже

невозможно. Ни числа, ни года.

Я быстро вскрыла конверт. «Анна, большая просьба позвонить мне в отель по телефону. Юрий».

Ничего не поняв, я села на кресло, пыль тут же поднялась в солнечном рассеянном свете и залетала лучом надо мной. Опять печатные русские буквы, больше похожие на шахматы и шашечки и подпись латиницей Jugí. Для моего понимания в скобках подписано Юрий.

Кто такой этот Jugí? Откуда взялся? Никаких иностранных знакомых у нас не было. Мать не воспринимала иностранцев априори, отец помалкивал. Меня называли в честь бабушки. Бабулю звали Аннет. Но это наша семья не обсуждала.

Звонить или нет. Если это подстава. Зачем? Я никому ничего плохого не сделала, если шутка, то чья. Я скромный оформитель книг. Может моя графика кому-то пришлась по вкусу и мною оформленные книги выставлены на международную премию? Бред какой-то.

Пока я крутила, нюхала письмо-загадку, трепетала. То вставала и шла к телефону, то поднимала, то опускала трубку, раздался звонок. Подпрыгнув от неожиданности, я, тем не менее, продолжала сидеть, вжатой в кресло и смотрела на телефонный аппарат. Наконец, я смогла встать и взять трубку, но там слышались только пустые гудки.

Переволновавшись, с сухим горлом, пошла на кухню, выпить воды. Кухня была в безобразном состоянии. Здесь не

ступала нога человека с момента поминок по папе. Я вышла вместе с приглашенными друзьями, и больше не заходила сюда. Мне стало жутко. Я чувствовала затхлый запах невымытой посуды и остатков пищи. Хорошо, что ещё мусор тогда захватила с собой. Сбросив всю одежду, которая, как мне показалось, успела пропахнуть вязким неприятным запахом, надев мамин халат, в котором она всегда убирала квартиру и готовила, приступила к приборочке. Дело оказалось непростое. Грязное и пыльное было всё. Прошло то всего три недели. Возможно, и до этого тоже никто со дня смерти мамы не убирал. С момента её болезни и смерти прошло полгода. Почему же я ничего не делала? Ухаживала за мамой, помогала отцу, работала. Было некогда, оправдала я себя.

Сквозь свои мысли услышала звонок в дверь. Он тренькал долго, пока я сообразила, что нужно подойти и посмотреть в глазок. Наверняка тётя Муся, соседка, услышав движение у нас, решила поинтересоваться, не собираюсь ли я продать или поменять квартиру. Она очень хотела жить с сыном. Не глядя в запыленный глазок, приоткрыла дверь. В проеме стоял «мой отец», только очень молодой и чуть более рыжий, чем в жизни. Луч солнца закрывал четкие очертания появившегося фантома. Я молчала, но дверь не закрыла. Молчал и гость.

– Что вам надо, – нервно поинтересовалась я.

– Я должен, – медленно выговаривая русские слова начал заморский посланник, – передать вам, если вас зовут Анна

или вашему отцу, если его имя Юрий Волжин, некоторую информацию. Только сначала прочтите письмо, – молодой человек аж вспотел от напряжения.

– Я действительно Анна, а отец умер почти месяц назад. Пожалуй, вы проходите, – нехотя и опасливо произнесла я, пропуская Юги в квартиру.

– А я пока почитаю письмо.

Молодой человек тихо опустился на край стула. Я посмотрела в его сторону и покраснела. И стул, и стол, да всё вокруг было пыльным, а злосчастное яркое солнце освещало беспорядок.

– Вы, извините. Я не была здесь с похорон отца. Вот так всё и запустилось, – оправдалась я и начала читать письмо. Оно было короткое и внятное:

«Юрочка, я очень больна и вряд ли вылезу из этой перипетии, поэтому посылаю моего сына, чтобы он передал тебе дневник. Надеюсь, что ты его прочтешь. Твоя Энни».

– Это всё? – Никаких выводов из записки, написанной какой-то Энни, я не сделала. Мне требовались объяснения и подробные.

– Моя мать умерла полгода назад, – голос гостя дрогнул. – Я обещал ей, что любым способом доставлю в Россию её письмо и дневник. Я, честно, не заглядывал в него. Не знаю, кем был ей ваш отец и вы.

– Про меня там, – я постучала по письму, вообще, ни слова не сказано.

– Да... Но пока я искал вашего отца. Я приходил сюда каждый день, я узнал, что он умер, и остались только вы. Видимо, мама хотела, чтобы дневник переехал в ваш дом.

– Какой вы исполнительный мужчина, и сын чудесный, – я почему-то злилась и боялась одновременно. Посмотрев на сына некой Энни, я увидела, что он покраснел, даже порыжел ещё больше, чем был до этого момента.

Мне стало жалко его. Я решила проявить, наконец, российское гостеприимство.

– Сейчас будем пить чай. Вы ведь пьете чай.

– Нет, я пью кофе, – засмеялся Jugi. – Вы думаете, что все англичане пьют только чай?

– Я не знаю. Кофе у меня нет. Хотите, я схожу к соседке и попрошу.

– У меня есть. Я захватил с собой кое-что, – из пакета, который я не заметила, он стал метать конфеты, печенье и ещё какие-то сладости, кофе и, всё-таки, банку чая, Jugi тоже прихватил.

– «Omnia mea mecum porto», – решила блеснуть я перед иностранцем.

– Нет, просто шел в гости.

– Вы уже неделю носите этот презент, или обновляете содержимое? – меня обидело его знание латыни. – У нас в магазинах таких изысков нет. Из Англии везли? Нет, вы боитесь наших продуктов. Я где-то читала.

– Нет, что вы! Я только сегодня принес и купил в «Берез-

ке», – молодой человек опять порыжел.

Почему-то я оттягивала момент принятия дневника Энни. Показалось, что ничего хорошего его прочтение мне не принесет.

– Ладно, давайте свой кофе. На самом деле, я тоже люблю кофе больше чая. Будем пить и разговаривать. Вы мне расскажете хоть немного о себе и своей семье. Мне не очень понятно, как были связаны мой отец и ваша мама. Почему вас зовут Юрий? Меня всё смущает.

– Меня тоже. Мама никогда не делилась ни со мной, ни с сестрой своим прошлым.

– Мама ваша русская, как я понимаю. Судя по вашему почти прекрасному знанию нашего языка, мама с вами разговаривала по-русски.

– Да. Я даже учился в университете на отделении славистики.

Мы опять замолчали. Медленно пили кофе. Я не знала, какие вопросы задавать, мой гость, видимо, тоже. Нужно было начинать сначала. А где оно? В этом дневнике? Или попросить английского Юрия об их житие-бытие в Лондоне.

– Слушайте, Анна, вы начните читать дневник, а я зайду через несколько дней, если вы позволите, мне очень любопытно, что нас связывает. Тогда мы и попробуем разобраться...

– Пожалуй, предложение мне подходит. У меня тоже воз-

никли некоторые мысли, хочу проверить.

Югi быстро встал. Откланявшись, направился к двери, стараясь не прикасаться к пыльным и закопченным предметам.

Я была несказанно рада, что он ушел. Повертев дневник в руках, я пошла в отцовскую мастерскую. Она находилась под крышей нашего дома. Помню, как долго её выбивали. Если бы не напор матери, то не видать советскому художнику, раненому на войне такой чудесного вида из окна мансарды.

Начнем сначала. Что-то я должна найти, но сначала вернуться к детским воспоминаниям. Может, всё же открыть дневник Энни? Я села на сундук, принадлежавший ещё моему деду. Задумалась.

Что, собственно, я знаю о судьбе своей семьи. Генеалогического древа никто из моих родственников не создавал. Рассказов на тему «...а помнишь...» тоже не было. Нельзя сказать, что дедушка, бабуля, мама или папа были людьми мрачными. Вовсе нет. Мне всегда отвечали на заданные вопросы. Но вопрошать мне хотелось редко. Сколько себя помню, дома всегда было тихо и напряженно. Маме нельзя было мешать, она правила статьи о художниках и ещё занималась экспертизой картин. А это дело подробное, кропотливое, требующее особого внимания. Отец чаще всего бывал в мастерской, а до её получения сидел или стоял у мольберта в столовой и смотрел в окно. Так он мог простоять несколько часов. Нередко папа уезжал «на волю», как он говорил, и

приезжал загоревший или обветренный и довольный с полным ящиком рисунков и набросков будущих картин. Бабушка сидела в кресле-качалке и читала французские романы или вязала деду теплые свитера и носки. Дед часто простужался. Дед занимался в маленькой каморке проявкой фотографий. Он тоже часто уходил из дома «на натуру», как он гордо подчеркивал. Все были заняты творчеством или занятиями близкими к нему. Меня рано отдали в кружок рисования, когда поняли, что иначе я раскрашу все стены в квартире. То есть, занятия у всех были тихие, требующие концентрации на своем деле. Так откуда бралось напряжение, которое и сейчас засасывало меня в воронку воспоминаний.

Я всё же решила открыть дневник незнакомки Энни.

Он не был ветхим. Наверное, потому, что хранился в добротном кожаном переплете, и никто, кроме самой хозяйки его не брал в руки и не слюнявил, и не лил слез на страницы, которые даже не пожелтели.

Открыв неторопливо первую страницу, я готова была прочесть любовные излияния женщины несчастной или счастливой судьбы, которая каким-то образом пересекалась с отцом, но...

* * *

Энни 1963 год

На титульном листе было написано Энни и все.

Запись первая: Недавно я решила приготовить пирог, который пекла мама на всевозможные праздники. Рецепт я точно не знала, но помнила, что её рукой аккуратно написанный, он хранился в толстой книге «О вкусной и здоровой пище», которая существует в каждом приличном доме. К сожалению, он не сохранился у меня среди немногочисленных раритетов, что проехали, прошли со мной все дороги долгой и странной жизни.

Мне захотелось найти ту книгу. Нет, не просто найти, я должна была иметь её в своем распоряжении. Где же в Лондоне взять её? Просидев с частичным рецептом в руках, я начала вспоминать, что было напечатано на первой странице. Я взяла краски, закрыла глаза, и моя рука начала выводить рисунки из детства.

Открыв глаза, я замерла. С непросохшего листа на меня пахнуло детством, Новым годом, мамой. Я услышала смех людей давно ушедших в небытие. На картинке по-прежнему красочно цвели и вызывали слюноотделение продукты, которыми в основном питались до войны руководители партии. При этом стол, у любой уважающей себя хозяйки, ломился яствами. Я ощущала запах этих блюд, но уже никто не смог бы мне их приготовить, а сама я тогда думала, что все-

гда будут бабушка и мама, которые когда-нибудь передадут мне рецепты своей неповторимой кухни.

Мне так не повезло. Мои любимые и родные ушли рано.

Я сидела над рисунком и думала о том, что я помню о них. Какие события их жизни остались и застряли в моей памяти?

Над моей кроватью висит фотография мамы, где ей девятнадцать лет. Тоже случайно уцелевшей в мясорубке моей судьбы. На снимке она очень красива и явно счастлива. На лице молодой женщины не дежурная улыбка, а выражение полного неподдельного счастья и веры, что всё будет очень хорошо.

Я посмотрела на портрет и поняла, что хочу попасть к ним туда. Нет, не на тот свет. Хочу оказаться в их компании. Стремлюсь услышать их рассказы, раскрыть их тайны, которые они, в отличие от нас, умели хранить и не отягощать нас своими проблемами.

Я на время постараюсь войти в ту атмосферу и те истории, которые слышала и не по одному разу. Некоторые из них поразили меня до глубины души. Хочется поделиться ими и со своими детьми и с теми, кто идет за нами, чтобы и они могли найти ответы на многие вопросы, которые встанут перед ними. Без сопричастности с прошлым – мы никто. Мы лишь звено, которое соединяет предшествующее с будущим.

Написав эти несколько ностальгических строк, я встала из-за стола и пошла печь пирог, с трудом додумывая рецепт.

Пирог получился. Мои дети радовались и удивлялись, та-

кого пирога они никогда не ели, хотя уже давно могут, есть и пить всё, что им по нраву.

Я смотрела на Юру и Машу и думала, стоит ли оставлять им в наследство ношу, которую несла я, нужно посвящать их в превратности моей любви, захотят ли они меня понять и простить за нечестные поступки и хитрости, на которые я пошла, чтобы выжить. Не решат ли они, что я отдавала им меньше тепла и внимания, потому что всю жизнь страдала по тому, далеко живущему, но столь любимому человеку. Но мне хотелось, чтобы мои дети знали историю нашей семьи и приняли мою любовь и поверили мне. Я мало с ними разговаривала на различные темы. Сейчас пришло время...

* * *

1980 год

Прочитав последние строки первых двух страниц, я подумала, что у меня тоже подошел момент, когда нужно разобрать вещи в квартире, просмотреть картины отца. Какие-то я оставляю себе, некоторые отдам в музей. Мне уже звонили оттуда. Отец мой не стал первой величиной в живописи. Но все, кто что-нибудь понимал в ней, говорили, что после его смерти, отца обязательно объявят гордостью нашего искусства, и картины будут пользоваться большим спросом.

Оглядевшись по сторонам, я была обескуражена. Полотна и маленькие рисунки валялись, как попало. Я не могла себе представить, что мой отец взял и раскидал свою жизнь. Главное для чего?

Последние недели его жизни были очень грустные и даже страшные, хотя, как всегда, папа молчал. Только почти всё время проводил в мастерской. Когда же я предлагала ему помощь... Я боялась за него. Пыталась приносить ему таблетки и еду. Он поджимал губы и отмахивался от меня, не давая даже подняться на последнюю ступеньку. Почему?

В растерянности, постояв несколько минут, я начала разбирать завал. Старалась разобрать полотна по темам, размерам, годам. Отдельно отложила листы с набросками, с рисунками, шаржи. Руки стали уставать. Я протирала каждую картину и, поднося к маленькому окошку мансарды, присталь-

но рассматривала, что изображено на ней. Одна из картин выпала у меня из рук, и холст вырвался из рамы. Зажмурив глаза, я боялась взглянуть, что стало с произведением искусства, над которым папа корпел довольно долго. Наконец, открыв глаза, я подняла разломанную раму. Она тоже была очень ценная. Дедушка делал её своими руками. Возможно, её всё же восстановят. Затем взяла картину, гвоздики в подрамнике проржавели и холст отделился помимо моей воли. Температура в мастерской была неподобающей. Я винила себя. Об этом я совсем не думала. Этими «мелочами» занималась мама. Когда её не стало, отец старался следить. Итак, в моих руках был холст, на котором был изображён осенний пейзаж. Очень нежный. Все деревья на нём – несколько наклонены, словно в раздумье – цвести ещё или прощаться с листвой и преклониться перед наступающими холодами. Наверное, картина была написана давно. Я помню, как мама говорила, что Юрий, наконец, закончил свою «нетленку». Они долго сидели в мастерской, а потом мама вылетела из мансарды, скатилась с лестницы и вылетела на улицу. Тогда были живы ещё бабушка с дедушкой, которые сжались, словно боясь бомбежки. Они всю жизнь, сколько я их помню, содрогались и скукоживались от громких голосов или от резких движений. Они не могли забыть войны.

Я ещё раз внимательно взглянула на картину, пытаюсь понять, что взбудоражило мать. Отодвинув от себя подальше пейзаж, я заметила, что последнее дерево на странно-криво-

ватой аллее какое-то отдельное. Оно и на дерево не похоже. А на что? Я поставила картину на мольберт, крутила холст и так и сяк. Но видела лишь укутанную в шифоновую накидку листву, прорывающуюся в красновато-голубом закате солнца.

Подержав пейзаж, я подумала о том, что у меня слабое воображение, и я не чувствую метафоры, которая явно заложена в тайне папиной картины. Я гладила холст, словно пыталась общаться с отцом, который смог бы навести меня на отгадку секрета картины. Внезапно пальцы застыли. Я почувствовала, как краска бугорками проступает на обратной стороне. Вообще-то, так не должно было быть. Я перевернула пейзаж и увидела, что весь холст исписан. Отец не только написал картину, но зачем-то сделал записи на ней. Почерк у папы был каллиграфический, и совсем нетрудно было разбирать слова, сложенные в предложения.

* * *

Юрий 1967 год

Приходит день, когда всё, что ты держал в себе много лет должно быть написано на бумаге. Нельзя обманывать ни себя, не своих близких, тем более дочь.

Оказывается, картины и вся остальная живопись не смогла передать то, что хочется выплеснуть, просто объяснить-ся с самим собой. Для того, чтобы быть предельно честным, нужно начать с самого начала. Мы никогда в семье не говорили о самом главном, почему мы вместе, чего мы боимся и что робеем произнести вслух. Мне надоело писать картинки, хочу писать слова.

* * *

1980 год

На этом запись обрывалась. Но я была уверена, что где-то хранятся ещё мысли и слова моего отца, невысказанные в живописи. Забыв о времени, о еде, о делах, начала как вандал сдергивать картины с подрамников и выкорчевывать из рам. Проверив добрую половину папиных работ, я нашла альбом. С трепетом открыла его... Там, тоже нашла обрывочные записи. Хотелось соединить всё вместе и читать по порядку. Залезла на антресоли и на меня посыпались свёрнутые холсты и небольшие картины в рамках. Я стала смотреть на год написания работ. Может, это воссоздаст внятную последовательную историю.

Очень устав, опёрлась о косяк каморки. Он затрещал, и доски стали расходиться. Быстро шагнув в сторону, я увидела, что в щелях проглядывает вторая дверь. Почему-то меня испугала находка. Мне показалось, что на сегодня впечатлений и приключений хватит.

Спустилась вниз и пошла по лестнице в квартиру. В одной руке я держала дневник Энни, в другой холст отца. Начнём, пожалуй, с них...

* * *

Энни 1965 год

Я – одна из тех, которых называют бастардами. Для местечка на Украине, это было постыдно, в 1923 году особенно. Совсем неважно, что произошла революция, и всех уравнивали в правах. На самом деле моя мама была позором родственников. Она происходила из верующей еврейской семьи. Так как девочкам совсем необязательно было читать и писать, то в школы они не ходили. Но сначала расскажу немного о местечке, где мы жили. Немного из истории моей семьи. Местечко называлось «Ступник» – совсем близко к Бердичеву. Дореволюции поляки, украинцы, русские и евреи, обитали там, в относительном покое и мирном сосуществовании, стараясь ходить по разным сторонам улиц. Однако здоровались и даже имели общие дела. К кузнецам ходили русским, поляки шили замечательную одежду, украинцы держали скотину и кормили городок свежим молоком, маслом и так далее. Труднее всех приходилось евреям. Не кошерное есть, они не имели право, поэтому приходилось иметь свое хозяйство, женщины сами шили одежду, подшивали постельное белье, чтобы всё было своё и не попало в руки неверных. Обе мои прабабушки носили парики, а прадеды пейсы и кипы. Моя бабка сама себе выбрала мужа, то есть – моего деда – на свадьбе подруги. И хотя молодые должны были увидеть друг друга только на свадьбе, моя своевольная

бабушка настояла на своём. Дед с удовольствием на ней женился, так как был из очень бедной семьи. У бабушкиного же отца была мельница, а это в те далекие времена было очень неплохо. Дед и все его братья и сёстры были красавцами, но было их слишком много. Из двенадцати шесть прабабушка потеряла. Они умерли в младенчестве. Но и тех шестерых, что остались, нужно было кормить. Прадед же мой особым трудолюбием не отличался. Выделялся он буйным темпераментом и гонором. В общем, свадьба состоялась и родилась моя мама, которую бабушка назвала Раей в честь своей бабушки....

* * *

1980 год

Я отложила дневник и заварила себе кофе. Почерк неизвестной мне, но уже становившейся близкой Энни, был мелкий, словно она сэкономила место в дневнике. Кроме того, она вставляла некоторые слова над строчками, а какие-то писала на полях. От этого почерк становился бисерным.

Стоя посреди кухни, я думала о том, что Jugі сказал мне, что дневника не читал. Почему? Он же адресован ему и его сестре. Возможно, они плохо читают по-русски. Господи, я даже не узнала ни его номера телефона, ни где он живет, ни сколько он пробудет в Москве, вообще ничего. Вдруг сам объявится.

Я машинально начала убирать кухню, понимая, что в квартире нашей семьи я останусь надолго. Мне становилось всё интереснее. Я должна прочесть надписи отца на картинах. Какие-то его работы были проданы или выставлены в музеях. А если на них тоже остались заметки, и я не смогу восстановить полную картину его, нет ИХ жизни.

А мама, которая почему-то ненавидела мое имя и называла исключительно Нюра, отчего бабуля покрывалась красными пятнами, а всегда сдержанный отец швырял кисти и надолго уходил в мастерскую. Мама при этом, гладила меня по голове и говорила, что любит простые деревенские имена, отчего я даже маленькой чувствовала издёвку и начинала

лить слёзы. Неужели мама меня не любила? Не может быть. Кстати, что это за дверка в папиной мастерской и почему я побоялась её открыть? Когда она появилась? Я облазила в мастерской все углы и знала, как свои пять пальцев каждый закуток, но не предполагала, что там есть внутреннее помещение.

Опустилась на стул. У меня кружилась голова. Оказалось, что я ходила вокруг одного и того же стула пятнадцать минут. Убирать не хотелось, но было необходимо, чтобы успокоиться.

Завтра, всё завтра. Начну собирать работы отца по годам. Я зайду в расщелину каморки и продолжу читать дневник Энни. Всё завтра...

Утро не сулило ничего хорошего. Открыв глаза, увидела «поле брани», на котором сражалась я одна. Жуткий кавардак из папиных картин, разбросанных в разных местах. Как-ие-то тряпки, которыми собиралась протирать пыль. Два ведра грязной воды. Вчера у меня уже не было сил их выливать. Ещё раз, повертев головой по сторонам, решила начать всё же с уборки. Невозможно раскладывать холсты на запыленные с катающимися шариками пыли полы. Я всё оттягивала момент похода в мастерскую, будто боялась увидеть в каморке нечто неприличное или опасное.

Закурила, заварила кофе, приняла таблетку от головной боли и надела старый джинсовый комбинезон, схватила ведра и, чертыхаясь, выливала их в туалет. Постепенно кварти-

ра начинала походить на обиталище приличных людей.

Услышав звонок телефона, очень удивилась и даже не сразу отозвалась на его треньканье. Звонил Југі.

– Извините, если помешал, но я вчера не оставил своего телефона...., – теплым баритоном проговорил новый знакомый.

– Да уж, если бы вы мне понадобились, пришлось поднимать всё английское посольство, чтобы отыскать утерянного англичанина, – я была рада его слышать, но старалась не показывать этого, ворча что-то про невежливость и внезапное «вламывание» в дом.

– Скажите, Анна, вы прочли дневник мамы? – На том конце провода затаили дыхание.

– Нет ещё. Что так срочно он вам понадобился обратно?

– Я привез его вам, но мне и сестре очень интересно, что мама писала и думала. Мы оба плохо читаем по-русски, даже почти и не читаем, а мамин почерк и вовсе не разобрать.

– Понимаю. Я сама с трудом проникаю в общий смысл. Скажите мне, Юрий, можно я буду вас называть на русский манер, почему мама просила вас привезти его именно моему отцу? Что их связывало?

– Не знаю. Только то, что мама тоже когда-то жила в России и была художницей.

– Ладно, бессмысленно гадать. Я буду читать и вам пересказывать. Вы надолго в Москве?

– Нет. Поэтому мне хотелось бы за эту неделю ознако-

миться с дневником.

– А, если я не успею прочесть? – Мне не хотелось посвящать заботливого сына в тайны взаимоотношений наших родителей. Тем более я сама пока не разобралась, что их так тесно связывало. Хотя, дневник предназначался не мне, а отцу.

– Послушайте, Jugi, а если ваша мама не хотела, чтобы мы с вами читали её откровения? Дневник адресован моему отцу...

– Знаю. Но мне хотелось бы знать историю семьи. Мама почти никогда не обсуждала свое прошлое.

– Надо же, мои родители тоже. В чем же дело? Я постараюсь быстрее прочесть. Прямо, вот сейчас и сяду.

– Здорово. Я жду звонка, – мужчина отключился.

Я его почти обманула. Ни про холсты, ни про загадочное помещение в мастерской я делиться не собиралась. Во мне бродили сомнения, стоит ли мне подробно соприкаться с ИХ историей. Но тянуло страшно, до чесотки в ладонях (или это от порошков, которыми я драила квартиру).

Я снова начала выкладывать отцовские работы, исходя из года их написания. Начиналось всё в раннем детстве. Это я точно знала, но рисунков маленького мальчика я пока не нашла. Первые «значительные» работы датируются 1940 годом. Тогда отец поступил в институт. На обороте ничего не было. Я начала переворачивать и аккуратно снимать с подрамников все холсты подряд. Первую запись я нашла на кар-

тине 1945 года.

* * *

Юрий 1945 год

Я, наверное уже никогда тебя не найду, но я тебя помню, каждую черточку твоего лица и огромные грустные удивленные глаза.

* * *

1980 год

Я перевернула картину. На ней одним росчерком пера был нарисован профиль девушки. Ни подписи, ни указания места, где была сделана работа – ничего. Все остальные работы я хорошо знала. Они висели по всему дому или в мастерской.

Я пошла в мастерскую. Дневной свет струился по потолку, но в том углу, где я наткнулась на забитое досками помещение, всегда было темно. Там же весели папины рубашки, в которых он работал, стояли мольберты и тубусы. Грубо заколоченное фанерой помещение было незаметно. Что там есть ниша, что стена в одном месте как бы провалена и вовсе в голову не приходило.

С большим трудом отодрав один кусок и поломав все ногти, я втиснулась в углубление. Ни повернуться, ни увидеть – ничего не могла. Очень тесно. Пришлось выкарабкиваться наружу и искать инструмент, которым можно будет отодрать тщательно прибитые гвозди.

Наконец плоскогубцы были найдены. Я начала тянуть, разгибать выколачивать гвозди. Кто-то сильно не хотел, чтобы пространство открылось. Постепенно, со скрипом грубый толстый лист стал поддаваться. Пока я боролась с занозистой древесиной, голову сверлил вопрос, – что я хочу там найти? Кто закрыл от глаз семьи загадки прошлого? Главное – зачем?

Всего четыре доски нужно было отодрать и.... Что я найду? Устав безмерно от сопротивления неодушевленных предметов, я уселась на пол и попыталась рукой нашарить в темноте вещи, которые были запрятаны. Внизу стоял ящик. Что в нём не поняла. Выше висела какая-то одежда и какой-то предмет с шарнирами. Нужно было идти за фонарем. Ещё две доски мне не отодрать.

Спустившись в квартиру на дрожащих ногах, я поняла, что должна передохнуть, как бы ни мучило меня любопытство.

Пока я варила кофе и с удовольствием затягивалась сигаретой, я взяла дневник Энни и продолжила разбирать почерк автора. В мастерской отец не разрешал курить. Хотя сейчас мне уже никто ничего не мог запретить, мне и в голову не пришло нарушить запрет.

* * *

Энни 1947 год

Мама моя была девочка послушная и не приносящая хлопот. Да и было не до неё. В местечке, где жили мои предки испокон веков, начались погромы. Приближалась революция. И все те, кто как-то сохранял паритет и компромисс, начали нападать друг на друга. Особенно доставалось евреям. Они были виноваты во всём. Мой дед решил, что нужно перебираться в более спокойные места. Пока дед решал этот судьбоносный вопрос, моя мама полюбила студента-поляка, который приходил к ней и её сестрам учить русскому, польскому и другим наукам. Дед, до определенного момента не считал, что если учитель девочек будет поляк, то это предосудительно. Да и знал ли он, что мой будущий отец вовсе не еврей, не знаю. Так или иначе, младшая дочь Рая решила, не ехать со всеми в Бессарабию (нынешняя Молдавия), а бежать с любимым. Убежать она не успела. Старшая сестра Мария всё рассказала бабушке, а вот забеременеть успела. Позор был страшный. Дед сначала хотел выгнать дочь из дому, но бабушка, как гласит предание, валялась у него в ногах, и Рая родила дома. Назвали меня Анна, отдав должное библейскому имени Анни. Позже, в другой жизни меня стали называть Энни.

Мой отец Ян Трушанский долго не смог выдержать напора верующей еврейской семьи, которая требовала, чтобы он

перешёл в иудейскую веру и сделать себе обрезание. Пока Рая нянчилась со мной, Ян рванул, как говорили в Москву, где отдался борьбе за справедливость.

* * *

1980 год

Я прочла отрывок и отложила дневник, аккуратно завернув его в газету. Мне становилось всё интересней и занятней. Я чувствовала, что скоро пути моего отца и Энни пересекутся. Почему-то мне хотелось оттянуть момент их встречи. Почему? Не знаю...

Кряхтя, я встала со стула, чувствуя каждую наболевшую косточку, и отправилась наверх.

Мне не в меньшей степени хотелось познакомиться с историей своей семьи. Я понимала, что имею лишь малое представление о том, как жили, чем дышали мои родственники. Я часто из своей комнаты слышала их перешептывание. Но как только я появлялась в поле их зрения, все разговоры заканчивались. Бабушка и дедушка, ласково и немного сюсюкая, предлагали мне почитать или пойти погулять с ними по старой Москве, а с тех пор как я отчетливо помню маму и папу, они разговаривали редко и между собой и с остальными членами семьи. При этом тон их беседы всегда был напряженный и немного свистящий, будто маленьких змеек выпустили, а они шуршат и шипят. Неужели так было всегда?

Взяв фонарь, я начала светить в нишу. Видно было не очень, но всё же, я разглядела несколько удививших меня вещей: афиша, написанная на французском языке. На ней подтянув роскошную многоярусную юбку, гордо закинув го-

лову, была нарисована молодая женщина. Там же висел мундир отца, который он почему-то никогда не надевал. На нем несколько дырочек, проделанных специально для орденов. Но самих орденов и медалей нет. Внизу стоял ящик с фотографиями, фотоаппарат «Лейка». Ещё было несколько рисунков, но это была явно не отцовская рука. На них какое-то питейное помещение, люди, в основном мужчины. Мне показалось, что я их уже где-то видела. Но лица, одежда, фон – все были, будто, выцветшими. Я решила позже взглядеться в лица посетителей.

Придется отдрать и остальные две доски, иначе мне не вытащить большой ящик со снимками. Главное, что я нащупала какие-то бумаги, приклеенные к задней стенке ниши, которые и не очень видно отсюда, а главное их просто так не отодрать, а я чувствовала, что за ними спрятано более важное.

Внезапно, на меня вывалился крафтовый пакет. Я развернула его. В нем аккуратно и любовно были уложены шотландская шапочка в красно-зеленую клетку с помпончиком и такой же клетчатый шарфик. Чье это? Я была обескуражена. Ещё несколько небольших коробочек – в одной из них жуткие металлические зубы. А это чье? Почему здесь?

Когда я оторвала третью доску, то четвертая, к счастью выпала сама. Ниша осветилась дневным светом, хотя не так хорошо, как всё остальное помещение, но всё просматривалось. Задняя стена пенала была обклеена старыми газетами.

Прощупав их, я убедилась, что под ними тоже находятся раритеты, о которых мне ничего неизвестно. Но как отклеить газеты. Я принесла губку и чашу с водой. Осторожно промокая желтые жесткие уголки, я сумела отогнуть правую сторону и на меня как из рога изобилия посыпались документы, открытки, фотографии, на которых улыбались незнакомые люди. Правда, одна девочка мне кого-то напоминала, но сразу сообразить я не могла. Сделав руки крендельком, я вынесла из ниши, сколько могла. Всё тут же веером рассыпалось по полу мастерской. Не обращая внимания на закатившиеся под мебель бумаги, я снова ринулась внутрь. В самом дальнем углу висела шинель... женская. Левый карман был оттопырен. Я тут же сунула руку в колючие недры, достав пилотку и книжицу. Маленький томик стихов, но все рифмованные фразы были вырезаны либо из газет, либо из других томиков стихов, либо переписаны от руки. Каждое стихотворение на отдельном листке. Я подошла к окошку мансарды, чтобы лучше разглядеть и почерк, и сам подбор стихов. Это был мамин почерк и мамин любимые стихи. Как только луч солнца пронзил странички, сквозь строки профессиональных поэтов, стали проступать, проявляться, нащупываться надписи. Неужели ещё один дневник, ещё одни воспоминания попали в мои руки. Что же они все скрывали от меня, от себя, друг от друга?

Мне стало грустно и в то же время азартно. Какие же они на самом деле мои родственники, и эта неизвестная Энни,

которая явно была камнем преткновения моих родителей, или нет?

Чем писала мама. Молоком, что ли, как Ленин. Строчки проявлялись постепенно, словно мама писала их сейчас. У меня появилось какое-то сюрреалистическое ощущение. От кого она прятала свои мысли.

* * *

Галина 1938 год

Ненавижу этот фильм, а он идет каждый день в нашем открытом кинотеатре. «Волга-Волга – мать родная...». Я крепко зажимаю уши, но это не помогает. Музыка треском кинопередвижки сверлит мозг. Теперь отца с нами нет. Я же председатель комсомольской организации школы. Что теперь будет? Боже, вместо того, чтобы думать о том, что папа, который был всегда примером чести и совести для меня сейчас сидит в застенках, а я озабочена только своими проблемами. А мама, а Наташа? Главное – мама. Она уже два дня сидит с папиной порванной рубашкой в сжатых побелевших кулачках и смотрит в одну точку.

* * *

1980 год

Я оторвалась от альбомчика. Читать было трудно. Текст был слепой. Листики бумаги заломленные и потертые.

Никогда мама не говорила о своем отце. О её маме я знала только то, что она умерла в эвакуации. О сестре Наташе знала только, что она погибла на войне. Почему мама даже через столько лет не поделилась со мной историей семьи? Меня страшно задело такое отношение. Какие тайны ещё я не знаю?

Я сидела посреди мастерской. Вокруг меня было множество отцовских картин, рисунков, рам от этих картин, маминых альбомов с фотографиями зарубежных артистов, перенятых с трофейных фильмов, две тетрадки с какими-то записями (я ещё до них не добралась) и пухленькая загадочная книжица. По другую сторону от меня лежал дневник Энни. Всё нужно пересмотреть и перечитать. Для чего-то они оставили записи. Уверена, что они предназначались мне. Необходимо кропотливо и медленно восстановить ход событий. Для этого нужно разобрать отцовский архив, материнские альбомы. Ещё какие-то листы, напечатанные на машинке, выпавшие из-под газет. О чем в них говорится. Голова шла кругом. У меня же была своя работа. Как молодому специалисту нужно было себя хорошо проявить. Последнее дело, которое успел сделать отец – устроить меня в крупное изда-

тельство, где хорошо платили и были неплохие перспективы для графика. Об отпуске и речи быть не могло. Только ночи в моем полном распоряжении. Я и попросить никого не могу помочь разобраться с архивом. Я не знала, что за загадки хранятся в лабиринте воспоминаний этих трех людей. Я ещё раз беспомощно обвела глазами разгром вокруг меня и решила пойти на кухню попить кофе, который принес сын Энни и подумать, с чего начать. Я знала только одно, что интересно читать мемуары параллельно. Тогда картина будет полной. Почему же мне на душе так тяжело. Я ждала неприятных открытий? Не знаю почему...

Вечером, примчавшись с работы, я разложила отцовские живописные работы и начала переворачивать каждую. Его записи хаотично располагались почти на всех картинах. Никакой хронологии не было. То одна фраза, то целый абзац, то весь холст заполнен мыслями отца. Я всё же старалась для себя выстроить порядок его жизни, хотя было очень трудно. Но в этой «беспорядочности» был особый смысл его необычной судьбы.

* * *

Юрий 1939 год

На картинах моего отца были изображены незнакомые мне улицы. Я спросил, что это за город. Он ответил – Москва. Я там родился и жил до 1900 года. Потом уехал в Париж. Я всегда мечтал о Париже.

Я поинтересовался, почему? Отец улыбнулся и ответил – здесь жили импрессионисты.

Мой отец Илья Волжин бредил живописью с детства. Рисовал на чём попало – на обоях, на полу, на сукне дедушкиного адвокатского стола. Родители умилялись талантливому ребенку и никогда не ругали за шалости. К пятнадцати годам детская непосредственность начала раздражать интеллигентных людей. Дед мечтал, чтобы сын пошел по его стопам, или, хотя бы выбрал себе достойное мужчины их круга, занятие. Илья внимательно выслушивал нотации некоторое время. Водно летнее утро, когда вся семья была в загородном доме, собрал пожитки и уехал. Записку «покорный» сын естественно не забыл оставить. Текст был прост и конкретен. На долгие годы мои прабабушка с прадедушкой вычеркнули единственного сына из упоминаний.

– Так, почему Москва такая серая? Там нет цветных домов? Не бывает солнца? – Упрямо приставал я к отцу.

– Моя душа имеет такой цвет, когда я вспоминаю о родном городе. Мне кажется, что там всегда идет дождь, – шеп-

тал отец и слезы, как дождевики капали на рисунки.

Почти каждый день отец ходил в знаменитое кафе «Le Rotonde» (105 Boulevard de Montparnasse). Отец всегда говорил название и адрес любимого кафе по-французски. Собственно, он там жил. Только изредка, забираясь под крышу ветхого домишки, в котором он снял студию без всяких удобств. Его совершенно это не пугало. Главное, слышать споры художников. Заглядывать через их плечи, наблюдать, как под их уникальными пальцами появляется живописный МИР.

Вон в углу попивает вино Сезанн, а вот входит, смеясь Модильяни с прехорошенькой барышней, Пикассо проповедует коммунистические идеалы, Моне, с высоты своего зрелого возраста, ухмыляется. Они то, объединяются между собой эти гении, то рвут отношения «навсегда». Счастье даже изредка находиться в поле их внимания. Отец говорил, что небожители его привечали, учили. Правда, все говорили разное и тянули в свою сторону. Но какая разница. Этот монолог отца я слышал ни единожды и мог цитировать наизусть. Однажды, продолжал рассказ папа, менеджер кафе запретил обслуживать курившую на веранде молодую женщину. К тому же, о, ужас! – смеялся отец, она сидела без шляпки! Её попросили покинуть кафе. Возмущенные художники перекочевали в другое кафе. «Ротонда» стали лишь туристической Меккой, где все стены выложены плитками со знаменитыми именами художников. Именно в «Le Rotonde» ро-

дилась и созрела живопись европейского авангарда! – гордо заканчивал свое повествование отец.

– А что же девушка? – лукаво спрашивал я, прекрасно зная ответ.

– Девушка вышла замуж и живет счастливо до сих пор, – отвечала мама.

* * *

1980 год

Я ещё раз прочла последнюю строчку и задумалась. Действительно моя бабушка произносила слова, немного грасируя, она любила вставлять французские слова, особенно, если хотела, чтобы я не знала, о чём идет речь. Дедушка называл её Аннет и всегда говорил, что любит всё офранцуживать. Я думала, что всё их поведение и общение являлись издержками старомодного воспитания. Потрясающее открытие, – вслух произнесла я, хлопая себя полбу. Я же видела бабушкин паспорт. Там было написано, что она родилась в Петербурге. Я понятия не имела, что дед Илья жил в Париже. Я вскочила и понеслась вниз в квартиру. Где архив деда. Я точно помню, что отец говорил, что у него хранится самое дорогое его сердцу – архив мамы и папы. Я тогда была маленькой. Мне было всё равно, тем более что я не понимала значение слова «архив». Где же он может быть? Я стала пристально рассматривать книжные полки. Не знаю почему. Может, подсознание подталкивало. Вижу картинку – отец на стремянке стоит у верхних книжных полок. Я притащила лестницу и с трудом достала до желаемых альбомов. Полки были нестандартной величины, специально сделанные под альбомы с репродукциями знаменитых картин и архитектурных памятников. Их было множество, стояли – плотно, прижавшись друг к другу. Пыхтя, я начала осторожно вытягивать

по одному и тщательно их рассматривать. На меня тут же нахлынули воспоминания. Отец достаёт альбом и приглашает меня на наш огромный диван, на котором спокойно, не мешая друг другу, могли спать человек пять. Я сажусь. Папа начинает мне показывать и рассказывать о каждой картине, словно он её писал. Это было лучше сказок. Вдруг он замолкал и перелистывал или вовсе закрывал один альбом и переходил к другому. Почему? С этим разберусь позже. Сколько времени у меня займет перелистывание каждой страницы стольких альбомов. Я закрываю глаза. Папа держит объёмистую папку. Обложка сделана из металла, на котором что-то выгравировано. Где же она? Я пальцем вижу по корешкам книг и дохожу до холодного шершавого корешка. Она... Нетерпеливо открываю её. Она тяжёлая и вот-вот выпадет из уставших рук. Осторожно спускаюсь и валюсь на диван, боясь, что сакральные листы выпадут из папки. К счастью, они прошиты и крепко закреплены. Я начинаю перелистывать страницы.

Многие из них написаны на французском языке. Я догадываюсь, что это переписка деда и бабушки, когда они женились. Фотография – дед, бабуля совсем молодые и маленький мальчик. Подписано: «Париж 1925 год». Мальчик – мой папа? Он родился в Париже, но никогда об этом не говорил. Почему?

Я валюсь от усталости. Пожалуй, на сегодня для меня хватит впечатлений. До завтра – говорю я изображенным счаст-

ливым людям на фотографии...

Весь день на работе прошел как во сне. Я действительно хотела спать, так как разбирала архив до четырех утра, а потом не могла заснуть. Мне пришла в голову странная мысль. Почему сын Энни так похож на моего отца? Не мог же он быть их общим сыном, или они где-то пересекались после войны. Второй вопрос: моя мама чем-то похожа на ту девушку, которая написана отцом. Рисунок сделан то ли на войне, то ли сразу после войны. Я же похожа внешне на маму. Что всё это значит? Все вопросы я продолжала обдумывать на работе и незаметно для себя набросала очертания Juri, моего отца в молодости, маму и себя. Получилась «семья». Но такого никак не могло быть. Чтобы дальше не мучиться, я позвонила Juri и поинтересовалась, нет ли у него с собой фото матери и отца. Ответ был утвердительный. Мы договорились встретиться у меня дома вечером. Дальше работа пошла легче. Мне всё-таки пришлось вникнуть в сказку для взрослых, которую мне нужно было оформлять. Рисунки сдавать я должна через день, а я ещё даже не дочитала литературный материал. Понадеявшись на «Авось», решила, что прочту литературный материал и, вдохновившись, быстро сделаю оформление.

Вечером я прибежала с работы, переделалась и даже успела испечь шарлотку. Соседка снабжала нашу семью всю жизнь яблоками, которые в неограниченном количестве росли у неё на даче. Запыхавшись, но сделав всё, что запланирова-

ла, я задумалась над тем, что мой гость естественно начнет опять интересоваться подробностями отношения моего отца и его матери. Я же пока не дошла даже до момента их знакомства. Кроме того меня больше интересует его рассказы об их семье. Наконец, зазвенел звонок. Юги пришел с букетом и очередными дефицитными конфетами.

– Совсем необязательно каждый раз дарить подарки, – я с удовольствием взяла изящно подобранный и явно дорогой букет и краем глаза посмотрела на красивую коробку. Это было ассорти неизвестных мне шоколадных конфет. Внутренне я облизнулась, так как обожала на ночь съесть конфетку, а то и больше.

– Я принес фото, – гость сразу начал деловой разговор.

– Чудесно, но сначала мы попьем чай с моим пирогом. Знаете, у нас не принято, сразу брать быка за рога.

Молодой человек удивленно посмотрел на меня.

– Не совсем понял ваши слова. Можно как-то попроще сказать?

– У нас не принято сразу приступать к деловой части визита. Это понятно.

– Понял, только я очень взволнован всей историей. Я не очень понял, зачем вам фотография моего отца.

– Ну ладно, хотите сразу. Давайте. Я повернулась к буфету и вынула из ящика снимки мамы молодой и папы. – Вот это мои родители. Теперь покажите ваши фото.

Гость вынул из конверта две карточки.

Я не думала, что может случиться шок, просматривая фотографии. Сделаны и те и другие были приблизительно в одно и то же время. После войны. Удивительно, но и мой отец, и муж Энни были одеты в мундиры, а женщины в платья в горошек. Только Энни широко улыбалась, а моя мама сжала губы в ниточку.

– Юрий, ваш отец был высокий, как я понимаю, с кудрявыми рыжими волосами, светлыми глазами и пухлыми губами.

– Да, наверное. Я его плохо помню. Мама не очень долго прожила с ним. Родила меня, сестру и вскоре уехала с нами в Лондон. До этого мы жили в Ирландии в деревне, недалеко от Белфаста. Отец был врачом на войне. Потом тоже практиковал. Но я его больше никогда не видел, а мама говорить о нем не хотела.

– История запутывается окончательно. Где она с ним познакомилась? Она же из России.

– Анна, всё это я надеялся узнать у вас. Удивительно, но наши мамы тоже чем-то схожи. Да и вы, когда улыбаетесь, тоже становитесь похожи на свою маму. Только глаза у вас другие.

– Да, бабушкины. У неё тоже были карие.

– У вас они ещё влажные и грустные, даже когда вы улыбаетесь, как у моей мамы.

– Послушайте, Jurí, перестаньте сравнивать ваших родителей с моими. Вы и меня рассматриваете так, словно мы

близкие родственники. Право, это же смешно, – я замолчала на полуслове, потому что подумала, что не так уже весело. Что-то же связывало моего отца и Энни.

– Я думаю, что люди часто выбирают себе в спутников жизни тех, кто похож на их настоящих возлюбленных.

– Вы хотите сказать, что ваши и мои родители просто подменили подлинную любовь и взяли дубликаты.

– Не знаю... Мама про отца не любила говорить. То ли он был перед ней виноват, то ли она перед ним.

* * *

Энни 1946 год

Бедный Кэл, он выполнил свое обещание, а я своё нет. Мы же клялись перед алтарём, что «и в горе, и в радости всегда будем вместе». Я предательница.

* * *

Юрий 1948 год

Наконец, я встретил женщину, которая меня понимает. После двух лет отчаяния, я нашел ту, которой смогу всё рассказать.

* * *

1980 год

– Я не уверен, именно подробности хотелось бы выяснить.

– Я тоже не уверена, что они нас обрадуют.

– Мне кажется, что правду знать лучше, чем тонуть во лжи, – молодой человек встал, медленно и аккуратно переступая через развал картин, бумаг, рам и книг. Вышел.

Я услышала, как закрылась входная дверь. Я тут же принялась соединять несоединимые судьбы.

* * *

Энни 1939 год

Вот она и Москва. Мне всего шестнадцать, но выгляжу я гораздо старше. Стащила у мамы её костюм, который предавал мне солидности. Совестно, конечно. Эта была её лучшая вещь. Ещё задолго до отъезда заказала за курицу туфли на каблучках. Дядя Арон, наш сапожник, очень нуждался. Детей у него было, по-моему, человек десять. А кормить нечем. На Украине был страшный голод. Что не успели отнять у нас у всех в революцию, то продавалось за копейки, лишь бы протянуть как-нибудь. Я взяла одну из наших несушек (к счастью мой дед умело вел хозяйство и видимо, от продажи мельницы кое-что осталось) и отнесла сапожнику. Туфли получились замечательные. Изящные и прочные полуботиночки. Уложила косу в большой низкий пучок, подкрасила чуть-чуть губы. В таком виде мне можно было дать лет двадцать. Главное, как выйти с вокзала. Всех, кто приезжал с голодающей Украины не выпускали из здания. Кто-то умирал прямо на вокзале, некоторые, с помощью всяких ухищрений, просачивались сквозь закрытые двери, другие возвращались обратно. Я очень боялась момента, когда у меня спросят документы. У меня их вовсе не было. Только бумажка об окончании школы. Я решила пойти ва-банк. Я сама подошла к милиционеру, предварительно выжав из себя слезы. Мне совсем нетрудно было себя завести. Я действи-

тельно очень скучала по близким и страшно боялась происходящего. Наполнив слезами глаза, платок, бросилась «в объятья» к стражу порядка. Запинаясь, заикаясь, сморкаясь, я лепетала, что приехала провожать друзей, и на перроне у меня кто-то выхватил сумку. Вещей у меня не было, аттестат лежал в лифчике. Молодой краснощекий парень сурово огляделся вокруг и повел меня в отделение милиции. Мы покинули злополучный зал вокзала. Теперь нужно сбежать или лучше... Я упала на тротуар, изображая обморок. Вокруг на площади собралась небольшая толпа сочувствующих и любопытных. Крики «нужна Скорая помощь, она умирает» и тому подобное привели моего провожатого в панику. Он приподнял меня и тихо стал уговаривать, что сейчас меня отвезут в больницу. Как говорил мой дед «На всё воля, Божья». Значит, Бог хотел, чтобы я вступила в Москву. Дальше можно пропустить немного. Скорая прибыла, врач сказал, что у меня почти нет пульса (наверное, от страха у меня остановилось сердце) и с сиреной, вопящей так, что мертвого можно было поднять, мы покатали в больницу. Пока врачи Скорой препирались с врачами больницы, которые уверяли, что у них карантин, и меня нужно везти в другую больницу, я соскользнула с носилок. Сердце упало в пятки, но бочком, бочком вышла за ворота клиники. Где я нахожусь, я не знала. Единственное поняла, что в центре. Так я соврала впервые. Но ведь это во благо, так считала шестнадцатилетняя беглянка. Кто же знал, какие «приключения» меня ждут.

* * *

1980 год

Интересно, что в то же время делали мои родители. Я поднялась с дивана и стала ползать по полу в поисках работ отца, приблизительно предвоенного или военного периода. Мне казалось, что размышлять над жизнью он начал рано. Кроме того так он усовершенствовал свой русский язык. Нашла пейзаж – подпись «Люксембургский сад» 1938 г. Перевернула лист, а там французский язык. Я довольно бегло читала по-французски.

* * *

Юрий 1938 год

Папа всё время болеет. Мамочка говорит, что Илья тоскует по Родине. Наверное, мы поедem в Советский Союз. Говорила она об этом с содроганием. Хотя в молодости мама была и феминисткой и придерживалась почти коммунистических взглядов, но потом как легкомысленная француженка забросила политические игры и стала примерной женой. Даже одно время танцевала в кабаре. Потом и вовсе осела дома и занялась мной. Отец учил меня рисовать, мама музыке – примерная семья среднего достатка и высоких интеллектуальных интересов. Когда после революции в России появились первые эмигранты, живописные работы отца были нарасхват. Все русские тосковали по Москве и другим городам. Папа утолял их потребность в ностальгии. Ещё он увлекся шаржами. Интерес к изображению людей в шутовском виде или даже с легким издевательством появился у него ещё в «Ротонде» Знаменитые художники обожали издеваться друг над другом, подчеркивая в шаржах смешные, нелепые внешние и внутренние черты друзей-соперников. Отец, а вслед за ним и я, стали рисовать шаржи на советских правителей. Саркастичные зарисовки, особенно радовали, вынужденно покинувших Родину. Мама выучила несколько русских и цыганских романсов и пела их со щемлящим настроением. Почему именно в этот момент отец собрался в Со-

ветский Союз? Меня страшила мысль, что мы можем быть арестованы, даже не доехав до бабушки и дедушки, которые жили в Москве.

* * *

1980 год

Никогда эта тема не поднималась в нашем доме. Никогда прошлое не вмешивалось в нашу «крепкую советскую» семью. Хорошо, что папа оставил эти записи. Я читала дневник Энни и отцовские наброски с упоением. Мне не хотелось отвлекаться ни на что, даже на еду. Я ждала продолжения, как ждут выдающегося открытия, которое даст миру новый виток жизни. Это был мой личный подъем...

Мамин альбомчик аккуратно лежал на столе. Я боялась, что он рассыплется. Как музейный работник в перчатках, чтобы странички не прилипали к потным пальцам, снова стала переворачивать странички со стихами и вглядываться в проявляющиеся между строк слова.

* * *

Галина 1939 год

Звонок в дверь. С тех пор, как отца забрали, мы пугались любого шума, боялись, что придут за мамой. Мама встала, взяла узелок с вещичками, который приготовила сразу после ареста папы и пошла к двери. Мы с Наташкой приникли носами к матовому стеклу комнатной двери. Хотели тоже вылететь в коридор, но дверь была заперта на ключ. Из передней нам был слышен разговор двух людей мамы и ещё какого-то мужчины. Они беседовали очень тихо, но шепот был напряженный и напористый. Потом дверь мама тихо приоткрыла и с совершенно белым лицом зашла в комнату, словно кто-то умер. Очень хотелось расспросить, кто приходил и зачем, но глядя на маму, только озноб пробежал по коже, а слова застревали в горле.

* * *

1980 год

Что такое могло произойти в семье мамы, если даже писать об этом она не может. Я начала снова просматривать её альбомы с фотографиями. В них лежали записки. Это я вспомнила сразу. А ещё были отдельные листы, написанные неизвестным мне почерком. Я с трудом вслух читала записки. Они были адресованы мужу и отцу в тюрьму, но почему-то не попали туда. Может, их не приняли, или семья мамы боялась усугубить положение мученика.

* * *

Галина 1939 год

Чёрный «воронок» медленно ехал за мной. Мне хотелось убежать, но я понимала, что это бессмысленно. Я спиной чувствовала, как за мной идёт человек. Сейчас он подойдёт ко мне. Почему я? Почему именно меня, самую младшую хотят арестовать. Я же секретарь комсомольской организации. Наверное, это плохо. Они постепенно уберут всю нашу семью. Мысли проносились как ветер, сменяя одна другую.

– Девушка, пойдёте со мной, – ласково, но настойчиво произнёс человек в тёмно-коричневом пальто и такого же цвета фетровой шляпе. Я только успела подумать, что отец никогда не носил шляп. Либо вовсе без головного убора, либо кепка. Она ему очень шла. Её сшила мама ко дню рождения отца. Какая ерунда лезет в голову.

– О чем задумались? – Мужчина тихо засмеялся. – Вас там не обидят, наоборот, вас ждет приятный сюрприз.

– Я не люблю сюрпризов, – вытащила руку из-под локтя преследователя, которую он ловко и незаметно, почти без усилий затолкал обратно.

– Поехали. Неудобно стоять так долго на виду у всех, – он подтолкнул меня к машине, где сидели ещё двое абсолютно таких же мужчин без выражений лиц. Их физиономии словно стерли. Совершенно одинаковые по фасону комплекты одежды, только разные по цвету, отличали их. Они веж-

ливо поздоровались и поджали губы.

Ехали мы медленно. Мне показалось целую вечность. В салоне машины стояла удушающая тишина. Перебирая в голове все возможные варианты от побега до припадка, я вспомнила, как Наташа рассказывала шепотом, что одну девочку из их института вот так же увезли на чёрной машине. Через несколько дней она вернулась, но вела себя странно. Перестала общаться с однокурсниками, сторонилась их, и всё время ходила мыть руки. Потом, говорила Наташка, произошел перелом. Девушку прорвало. Она стала сбивчиво рассказывать своим подружкам, что была в Большом доме и там... Договорить она не успела. Подбежала маленькая серенькая женщина и оттащила её в угол. Затем взяла её «нежно» под руку, и что-то внушая той, вывела из института. Что происходило с девушкой дальше, Наташка не рассказывала. Может, не знала или забыла, но скорее всего, боялась.

– Ну и славненько, приехали. Выходите барышня.

– Куда идти, – я старалась говорить твердым голосом, но внутри всё дрожало. Ответа я не получила. Меня просто ввели в открывшуюся дверь.

На несколько минут я даже забыла, что мне страшно. Зала была шикарно обставлена. Везде зеркала, тяжелые нефритового цвета портьеры. Вообще, всё было нефритовое с позолотой. Внезапно я услышала голос, который напевал песенку. Я повернулась, уверенная, что вошел хозяин. Но увидела в глубине странный полированный ящик с изображением.

Он говорил и показывал через линзу. По-детски мне стало интересно, а шум в голове и медвежья болезнь постепенно отступали.

– Нравится, спросил человек с акцентом. Он был невысок ростом и в очках. Я его узнала.

– Очень, дяденька, – я специально строила из себя дитя неразумное, надеясь глупая, что это остановит моего собеседника.

– Хочешь, вместе посмотрим? Садись на колени ко мне.

– Можно, я сначала схожу в туалет, – я ковыряла пальцем в носу и сжимала ноги, показывая, что сейчас, прямо здесь напушу лужу.

– Ну, иди, – недовольно процедил хозяин.

Я надеялась, что-то придумать. Может, в туалете есть окно. Наивная дура. Меня проводили, чуть ли не до унитаза. Что сделать, чтобы он от меня отстал. Я порылась в сумочке и нашла ножницы. Недолго думая, я оттяпала свою роскошную косу и ещё выстригла на голове клочок волос. Стукнулась головой о стенку, чтобы пошла кровь.

– Ты чего так долго? – спросил провожатый.

– Хочу понравиться. Прихорашиваюсь.

Когда я вышла, то мой страж онемел на минуту.

– Ты что сделала с собой? Ты идиотка, на кого ты стала похожа?

– У меня голова вдруг страшно зачесалась. Решила, что это вши, – невозмутимо, продолжая чесать голову, ответила

я.

Мужчина стал весь красный от напряжения и страха. В эту минуту он боялся больше, чем я, что меня утешало и даже веселило. У меня бабушка была соратницей Ленина. Характер кремень, отношение к людям стальное. Она всегда говорила, что страх – это позор. «Ищи способ выкрутиться – он всегда есть».

Когда мы вошли в залу, кровь ещё стекала по моей белой праздничной кофточке. В тот день мы принимали в комсомол ребят из седьмого класса.

– Ты находчива, – рассмеялся хозяин.

– Просто я соскользнула с унитаза и ударилась, а потом когда стала вытирать кровь, то увидела, что по мне побежали какие-то мошки. Я испугалась и отрезала косу и решила подравнять волосы. А вот, что вышло.

– Слушай, девочка, – очки на лице блеснули, и за ними я увидела взгляд, который буду помнить всю жизнь. И бояться его. Этот страх ничем не перешибешь. – Ты останешься здесь до тех пор, пока у тебя не заживет твоя тупая голова. Волосы тебе подстригут как надо. Потом посмотрим... Ты мне нравишься.

Его слова, эхом раздававшиеся и уносящиеся под потолок, были приговором. Вот только чему, я не поняла...

Я вернулась через пять дней...

* * *

1980 год

Боже, какой ужас. Я сама не знала, к чему относится мой возглас. Что сделали там с мамой? Правда ли всё, что она написала или утаила самое неприятное. Как бабушка Таня пережила отсутствие дочки. А Наташа? Может, она предполагала, где её сестра. Я лихорадочно листала альбомчик, чтобы найти ответ на вопрос. Но об этом «происшествии» в альбомчике, ни слова не было написано.

После прочтения части воспоминаний трех совершенно разных и ещё никак не связанных между собой людей надломили меня. Неплохо зная историю нашей страны, я даже не могла представить, что с ними будет дальше... Но знать хотела.

* * *

Юрий 1941 год

Сейчас затишье, и я могу писать, не беспокоясь, что кто-нибудь мне помешает. Все спят.

Наверное, папа был прав, когда решил вернуться в Россию. Ему было всё равно, что теперь его Родина называется Советский Союз, он ехал в Россию, которой явно угрожала война. В тридцать девятом году на Рождество родители пришли к консенсусу. Мамочка решила сделать отцу подарок – поездка в Москву. Там жили пожилые родители отца, друзья его молодости. «Только, – предупредила мама, – мы едем ненадолго, недели на две».

Наивная феминистка. Во-первых, отцом при всей его безграничной любви к его Аннеточке манипулировать было невозможно, во-вторых, мама совершенно себе не представляла, куда мы едем. Оттуда не возвращаются.

Пятого января 1939 года мы сели в Восточный экспресс, на котором должны были доехать до Нидерландов. Там, де-душкин брат, который покинул Россию при первых же лозунгах «Вся власть Советам»! должен был выправить нам документы. Дядя Николай уговаривал нас, как мог, не совершать убийственной ошибки.

– Илья, – молил он, Я хочу ещё увидеть живым. Ты же едешь на закланье беспощадным людям. – Дядя кричал, топал ногами, осторожно брал племянника за ладонь и целовал

её, умоляя не совершать непоправимый поступок. – Лучше, мы попробуем твоих родителей выволить сюда, – он радовался выходу из положения, но недолго. – Отец был непреклонен. Что руководило им, я честно не знал. Мама мужественно сносила принятое отцом решение. Только один раз она шепотом попросила его, не губить жизнь сыну, то есть мне.

– Он уже взрослый, может остаться, – молила мама.

Папа хлопнул дверью и покинул нас на два часа, которые мы просидели, молча, каждый со своими опасениями, страхами и решимостью.

– Но необязательно лезть в мясорубку, – понуро сказал дядя, понимая, что всё решено. Он ушел тоже и вернулся с нашими новыми документами. Теперь мама стала уроженкой Санкт-Петербурга 1889 года рождения, из мещан, урожденная Анна Сергеевна Собинова. По мужу Волжина. Я, как был Юрий Ильич Волжин, так и остался, только дядя переправил мой год рождения. Я родился в 1921 году, а в паспорте записали 1925 год, город рождения Москва. Дядя делал это в надежде, что меня не отправят в ближайшее время в армию. Вообще, до четырнадцати лет я не нес уголовной ответственности. Увидел свои документы и засмеялся. Осталось надеть на меня гольфики с помпончиками, короткие штанишки и причесать как маленького мальчика.

– Не великоват ли младенец? – Поинтересовался я. Рост у меня был немалый, да и щетина на щеках уже проступала.

Дядя отмахнулся и принес шапочку, которую, наверное, носил его сын лет пять назад – вязаную с козырьком и завязывающуюся под подбородком. Получился типичный переросток. Я ещё засунул палец в рот и пустил слюну. Мама смотрела на все наши приготовления с ужасной грустью во влажных глазах. Такие глаза я встретил через год, и они заполнили мое сердце, видимо, навсегда.

Все, ностальгические воспоминания пока окончены. Конечно, если я вернусь из боя...

* * *

1980 год

Я пыталась представить себе сборы своих родных. Мне хотелось быстрее узнать, что было дальше, когда они доехали до Москвы.

Начала ползать по полу в поисках продолжения рассказов путешественников, но натыкалась всё время на какие-то разбросанные листы, напечатанные на машинке. Устав от бессмысленных поисков, я решила отдохнуть и почитать напечатанные листы.

«Ты меня так любил. Во всяком случае, ты убеждал меня, что нас может разлучить только смерть. На самом деле ты меня просто не видишь. Кто я? Я была в тебя влюблена всегда. Кто меня тебе заменяет, а я лишь талантливо делаю вид перед всеми, что всё хорошо! Я много раз хотела поговорить с тобой, но ты только пил и не слышал меня. Услышь, пожалуйста! Моему терпению приходит конец. 1943 год. Брянск.

Кто написал эти отчаянные слова и кому? Пишущая машинка была старая. В ней западали почти все буквы, а лента и вовсе истерлась. Слепой текст, с пропущенными и перепутанными буквами. Зато мысли были очень ясные и безысходные. Где-то я уже видела такую раритетную машинку, которая почти не печатала. Но где? Вспомнить не могла.

Я закрыла глаза и услышала стук пишущей машинки. Мы на даче, которую снимали каждое лето в «Челюскинском»,

неподалеку от Дома творчества художников, куда отец ходил рисовать и общаться со своим друзьям. Кто же печатал? Я была маленькая и видела в окно только руки, быстро бегающие по клавишам и слова проклятий в адрес старой непочиненной машинки.

С нами на даче, помимо нашей семьи, жила мамина подруга и ещё мамина родственница. Кроме того, приходили гости, которым тоже необходимо было воспользоваться старым аппаратом. Может, эта была хозяйская машинка. Тогда почему эти листки датируются 43-м годом и хранятся у нас.

Я начала подгрести листки. Все они датировались одним годом, но содержание становилось жестче. «Ты предал всё! – Родину, меня, мою веру, я больше терпеть не стану. Ты избил меня вчера за то, что я пошла к политруку и попросила его повлиять на тебя. К кому же мне ещё было идти? Ты предатель, я тебя ненавижу. Село «Вельское» 1943 г.

Где это село, кто эта несчастная женщина? Кто этот brutalный мужчина, которого она не может, или не хочет бросить? Пока я разобраться не могла. Решила, что стоит отложить чужую переписку. Я надеялась, что разгадка найдется. Я даже не представляла, как близкая была к цели. Просто у меня в голове было столько информации, что переварить её сразу я была не в состоянии.

Меня же никто не торопит. Что-то свербит в душе, помимо любопытства. Мне показалось на минуту, что я проживаю не чужую, а свою жизнь. Странное и тревожное ощущение.

ние. Но я хотела пройти этот путь до конца. В истории была и нежность, и суровость, и любовь, и ненависть. Такой объем сильных чувств я не переживала никогда. К тому же я надеялась найти ответы на некоторые и свои вопросы. Например, зачем отец держал коллекцию, сделанную из гипса кистей рук разных художников. В детстве она меня пугала. Став старше я спросила отца, зачем она тебе? Он усмехнулся и, посмотрев на свою правую руку, взял кисть Микеланджело с узловатыми, изуродованными подагрой пальцами, сказал, что и такими руками можно создавать шедевры. Больная правая рука, как мне казалось, не мешала рисовать отцу. Как много я не знала.... Стоит ли вникать в их жизнь? Не ворую ли я чужие судьбы? Какие странные вопросы стали приходить в мою голову, где долгое время всё было уложено по полочкам. Знания и чувства не перемешивались, и не мешали друг другу.

* * *

Юрий 1939 год

Вот мы и собрались. Я спрашивал отца, почему мы делаем это сейчас, когда в Испании война, когда вся Европа на грани войны, хотя я, как и отец думал, что нужно быть в гуще событий. Об этом с гордостью «младенца» я ему и сообщил. Папа грустно посмотрел на меня и сказал, мне всё равно, кто прав, кто виноват, но там гибнут и будут ещё и ещё погибать русские люди. Один раз я уже пропустил. ... Он усмехнулся. Теперь мое место там, где мои престарелые родители, и все те, кто нуждается в поддержке. Я был крайне удивлен. Моему отцу в 39-м году было пятьдесят четыре года. Кому и чем он мог помочь? Понял я это только, когда достиг его возраста. Маму качало от страха, что нас снимут с поезда и упекут в Сибирь.

* * *

Энни 1939 год

Когда я была маленькая, мне сначала говорили, что папа уехал на заработки и вот-вот вернется. Шли годы, и я поняла, что Ян Трушанский не вернется никогда. Услышав слово незаконнорожденная, осознав его постыдность и серьезность, я решилась на поступок. Пошла к бабушке, маме Яна. Отцом, человека, которого ты никогда не видела называть трудно. Это был поступок, потому что моя правоверная семья не общалась с Эльзой, матерью Яна. Выяснив, что живет она на другом конце города, я пошла пешком, так как денег на дорогу мне и не дали бы. Да их просто и не было. Эльза встретила меня очень приветливо, сказав, что я похожа на отца. Она поинтересовалась, что я хотела узнать. Я хотела увидеть хотя бы лицо человека, который покорила мою маму с первого раза. Фотография была старая. На ней Яну лет семнадцать. То, что он красив было видно даже на не четком снимке. Посидев немного для приличия, я спросила, а есть ли от него какие-нибудь вести. Где он вообще. Эльза вытащила зачитанное и заплаканное письмецо. Гордый шляхтич писал, что у него всё хорошо. Он добрался до Москвы. Ничего конкретного записка не содержала. Датировалась она 38-м годом. Адрес был написан небрежно. Я разобрала только слово Сухаревская. Почему-то я была уверена, что я его найду. Что дальше я прогнозировать не хотела. Польский гонор

взял вверх над еврейской верующей девочкой. Хотя у обоих родителей гордости хватало. Не знаю, почему я так решила. С этого момента я стала рисовать лицо Яна везде, где могла, но так, чтобы никто из моей родни не видел. Так выяснилось, что я могу рисовать лица. До этого момента я только помогала бабушке делать мережку на постельном белье и перешивать вещи родственниц на себя. Делать мережку и крахмалить, кипельно белые простыни я сохранила навсегда, даже сейчас, когда в этом нет никакой нужды. Дети мои смеются. Но разве им понять?

* * *

1980 год

Странное свойство имеет человеческая память. Запоминать какие-то мелочи, как история с мережкой. Все трое и отец, и мать, и Энни не придерживались ни годичной, ни событийной последовательности. Приходилось в уме складывать и вычитать их воспоминания. Меня притягивали их мемуары, я сердилась на них, что не могу их читать как роман последовательно и спокойно. В тоже время, некая хаотичность создавала особую неповторимую мозаику их своеобразных судеб.

Всё время приходилось откладывать уже найденные и аккуратно собранные странички, которые я собиралась ещё раз перечитывать.

Среди машинописных листов я нашла маленькую записку: «Люблю тебя, люблю так сильно, что готов хоть сейчас пойти с тобой в ЗАГС. Завтра же разведусь. Целую тысячу раз, Петя.

Кто такой Петя, кому адресовано письмо. Почерк абсолютно незнаком. Но женщине этой можно только позавидовать. Так самозабвенно любить.

Меня так увлекла переписка незнакомцев, что я стала читать подробно каждое письмо. Может, хоть какие-нибудь намеки, слова наведут меня на мысль, кто адресаты.

Перелистывая каждую страничку очень аккуратно, чтобы

они окончательно не разорвались, нахожу ещё одно рукописное письмо: «Петя, мне только шестнадцать лет, но документы можно потерять или выправить. Сейчас война. Людям не до смешных бумажек маленькой девочки.

Я посмотрела на почерк. Он был по-детски округлым, но явно женский. Написание некоторых букв мне напоминали очень знакомый почерк, хотя и его я видела не так часто.

Я взяла мамин альбом и стала внимательно вглядываться в её манеру писать и буквы.

* * *

Галина 1940 год

С тех пор, как отца забрали в тюрьму, мама при виде знакомых людей стала переходить на другую сторону улицы, или, если мы сталкивались нос к носу, мама низко опускала голову, краснела, белела и проходила как бы сквозь друзей. Скоро у нас никого не осталось. Я пыталась узнать у мамы, что происходит? В ответ слышала лишь, что люди боятся общаться с семьями врагов народа. Надо сказать, что в школе, классе у нас никто не чурался детей врагов народа. Говорят, что это удивительно и уникально. Спасибо учителям. Мама почему-то стала чахнуть. Она почти ничего не ела и выглядела ужасно. Кожа, да кости. Двигалась мама тоже странно, как сомнамбула. Мы понимали, что такое горе трудно пережить. Наташка часто говорила, что отца могли расстрелять.

Боже, опять этот фильм крутят с утра до вечера. «Волга-Волга...» поет Орлова. Как я раньше обожала эту актрису. Теперь ненавижу.

* * *

1980 год

Я остановилась. Что скрывала бабушка Таня от дочек? Надеюсь прояснить этот вопрос. Меня как страждущую, тянуло желание заглянуть в конец альбома, но я сдерживала себя. Читать буду по порядку. Всё безумно запутано для меня. Единственное, что я поняла, что записку, которую я нашла среди машинописных листов, написана маминой рукой. Кому? Стала рыться дальше, больше пока ничего не нашла. Взяла дневник Энни.

* * *

Энни 1939 год

Приехала на Сухаревку. Увидела пожарную башню. Огляделась и почуяла, в какую сторону мне нужно идти. Мне казалось, что при всей хвастливой гордости бабушки Эльзы, её сын не сделал большой карьеры в Москве. Моя бабушка Фаня (мамина мама) и вовсе называла его красавцем-шарамыжником. Я точно не знала, что означает это слово, но чувствовала, что это не комплимент. Я зашла в старый, почти развалившийся дом, откуда раздавались крики соседей, плач и смех детей. Больше походило на общежитие, как я его себе тогда представляла, хотя никогда не видела. Ещё я знала слово коммуналка. Может быть, это именно то, что мне нужно. Разные люди могут знать соседей из дальнего дома, даже с другой улицы. Во всяком случае, в нашем небольшом городке было именно так. Все всех знали. Я даже приготовила несколько слов по-польски, чтобы всколыхнуть в отце ностальгические чувства.

Все мои поиски не увенчались успехом. Кто говорил, что Ян Трушанский здесь жил, но уехал, кто и вовсе ничего не знал, остальные только пожимали плечами.

Один старик высказал мысль, что, так как Германия оккупировала Польшу, он мог поехать сражаться за свободу Родины.

Это предположение мне понравилось больше всего.

Оставалась одна нерешенная задача. Где мне жить? Где работать?

Как это ни смешно, но проблемы решились почти мгновенно. Когда я расспрашивала о своем отце, то показывала свои зарисовки, которые я сделала с той единственной фотографии, что хранилась у бабушки Эльзы.

Старик, который говорил про защиту Польши, работал в фотоателье. Им был нужен ретушер. Я, даже не очень хорошо зная, что это такое тут же согласилась. Что касается комнаты, которую я могла бы снять, то в конце бесконечного коридора бывшей барской квартиры жила старушка. Она, при всём скоплении людей, которые населяли коммуналку, боялась одна ночевать. Ей всё время являлся бывший хозяин хором, у которого она служила горничной. Убежавший господин требовал от Веры Константиновны найти его ларец с драгоценностями. Мне показалось, что хоть бабулька и была несколько не в себе, но спокойная и других отклонений у неё нет. Денег она собиралась брать немного, нужно только мыть весь коридор огромного пространства раз в полтора месяца. Наша очередь была последней. Сколько же на самом деле там жило человек, я так и не узнала. Жильцы менялись. Кто-то уезжал добровольно, кто-то в армию, кого-то увозил чёрный воронок.

Юрочка! Зачем я тебе всё это пишу, я ведь тебе уже рассказывала об этом или нет. Скорее нет. Мне тогда хотелось казаться абсолютно благополучной и независимой. Значит и

тебе я тоже врала...

* * *

1980 год

Не знаю, почему, но простой даже не очень интересный рассказ Энни пригвождал меня к стулу. Мурашки нетерпения бегали по спине *стремясь дальше искать связующие нити ИХ жизни...*

* * *

Юрий 1939 год

До сих пор непонятно, как нас не посадили. Мы сошли с поезда на какой-то Богом забытой станции, там наняли извозчика, который довез нас до станции «Перово». Дальше нужно было сесть на паровоз и доехать до Москвы. Вещей у нас было немного. Мы производили впечатления дачников, возвращающихся с отдыха. Тем не менее, мама тряслась, папа был сосредоточен, а меня, молодого розовощекого «младенца» приключения веселили. Я старался не думать о тех пугающих и раздирающих душу рассказах эмигрантов, дяди, ехал в новую жизнь. Любовь к приключениям – семейная наследственность. Отец тоже уехал совсем молодым из дома, только чтобы увидеть импрессионистов и дышать с ними одним воздухом, учиться у них. Мне так и не удалось узнать у папы, удовлетворила его добровольная эмиграция. Зачем он вернулся? Я не успел...

* * *

1980 год

Почему не успел? Нужно найти ещё рисунки, более позднего периода, где, возможно, есть ответ на этот вопрос.

Почему меня так мучают их недомолвки. Зачем мне в 1980 году молодой женщине, которой пора строить свою судьбу пожухлые размышления родителей и Энни? Меня страшно мучил этот вопрос. Что конкретно я хочу понять? Что это даст моей судьбе? Или простое женское любопытство и всё. Я долго сидела, держа в руках разрозненные воспоминания тех, кто ушел от меня навсегда.

* * *

Энни 1975 год

Знаешь, я повесила над своей кроватью блокнотик и карандаш, чтобы записывать мысли, которые приходят ко мне ночью в бессонницу. Так делала Ч. Чаплин. В полудреме, когда мозг почти свободен, в него залезают и плавают свободно, как в воде интересные размышления и воспоминания. Я стала многое забывать. Иногда мне кажется, что специально отсекаю от себя неприятное, а потом не могу точно вспомнить. Я же хочу написать тебе обо всём, как будто мы прожили эту жизнь вместе. Странно другое, когда я попробовала воспользоваться опытом гения, то на утро обнаружила, что в полусне рисую только твоё лицо. Даже если я рисую тебя не очень молодым, каким ты стал теперь, всё равно получается молодое любимое лицо, которое я помню...

* * *

Галина 1940 год

Они тогда меня даже не искали. Думали, что меня арестовали. Нет, мама сначала позвонила по моргам и больницам, но как она сама сказала, больше для очистки совести. Наташа молчала, только собрала узелок и стала ходить не по центральным улицам, а по заброшенным дворам. Там было страшно, но всё же, безопасней, чем на центральных, где патрулировали в большом количестве и люди в форме, и в штатском.

Когда я вернулась, то сразу отдала маме косу, ничего не говоря. Она спрятала её и спросила, хочу ли я есть? Удивительно, но простой вопрос вывел меня из ступора. Я улыбнулась и пошла на кухню.

– Наверное, нас уплотнят. Теперь после ареста отца нам не дадут жить в трех комнатах. Она оказалась права. К нам подселили милую пожилую пару, которая к нам очень хорошо относилась. Только одно «но». Сергей Петрович был сталинский сокол и строчил доносы на весь дом, из которого уже исчезло много известных писателей, журналистов. Мне нужно было как-то продержаться до окончания школы, чтобы мне не испортили аттестат.

Бедная мама, она знала то, что не могла и не хотела говорить нам с сестрой, но что жгло её и изнуряло её организм. Она таяла на глазах.... Почему? Я чувствовала, что не только

арест отца мучил её. Мое исчезновение прошло как-то мимо неё. Что ещё гадкое или ужасное таила мама....

* * *

Энни 1940 год

Работать в фотографии мне нравилось. Нравился и мой хозяин, но хотелось чего-то большего, чтобы мои родственники могли мною гордиться. Я написала им письмо. Теперь жду ответа. Боюсь, что не дождусь. Наверняка, они обижены. Особенно жалко маму. Как только я устроюсь, возьму её к себе. Я думала об этом, гуляя по Москве, узнавая город, который привлекал меня всё сильнее. Москва заманивала меня. Так, пересекая просторы старых площадей и улиц, рассматривая все попадающиеся мне надписи, я наткнулась на надпись ВХУТЕИН. Попыталась расшифровать. Не получилось. Посмотрела на стену на другой стороне двери – Высший художественно-технический институт. Я оторваться не могла от этой надписи. Я хочу сюда. Хочу учиться. Пока я с открытым ртом стояла напротив надписи, из старого здания выходили бородатые мужчины и почему-то все раскланивались.

– Вы – натурщица? – Спросил молодой человек, вылетевший из двери.

– Мне необходима натурщица срочно. Пошли.

– Вы с ума сошли. Отпустите руку. Я не умею. А что я должна делать? – Интерес постепенно поселялся в душе.

– Просто сидеть и позировать. У вас лицо как из девятнадцатого века, – парень схватил меня за запястье и потащил

по лестнице.

– Вот же, Юрий, нашли то, что нужно, – радостно похвалил юношу очередной немолодой человек в бороде. – «Прэлэстно, прэлэстно»!

Профессор, я решила, что человек, который говорит так изыскано, не может занимать меньшую должность, чем профессорскую.

– Он профессор? – спросила я запыхавшимся и с большим пиететом в голосе, своего «художника».

– Он академик, а я нет, – с гонором рявкнул юноша. Но я им буду. Мы пришли. Садись.

Я оглянулась. На возвышении, собранном из досок стояло кресло и накинуто несколько тканей разных очень красивых оттенков.

– Раздевайся. Сейчас выберем цвет. Одно плечо будет обнажено, а второе закрыто, но на груди рука чуть отодвигает материю.

– Да! Ты меня спросил, хочу ли раздеваться перед каждым встречным, даже с одобрения академика. Я начала спускаться с постамента.

– Я запру дверь. Как миленькая будешь позировать, – молодое дарование направилось, ко мне страшно набычившись.

Мне стало смешно. Более того меня распирало любопытство.

– Ты давно учишься? – Мне хотелось думать, что мой ху-

дожник почти как эти профессора, только молодой. Что я себе нафантазировала?

– Я учусь на втором курсе. Но мне многое неинтересно то, что дают наши педагоги. Я раньше уже учился в... Неважно где. У очень хороших педагогов. Ты мне сможешь создать нечто изысканное и новаторское одновременно.

– Ладно. Только потом ты мне расскажешь подробно о вашем ВХУТЕИИне. Я собираюсь сюда поступать. Я тоже хорошо рисую, – эта наглая ложь привлекла внимание «одержимого» гордеца.

– Согласен. Садись. Нам предстоит долгая и напряженная работа, может, всю ночь. Тебя искать не будут?

– Нет, я живу самостоятельно.

Юрочка тебе так и не удалось написать этот портрет, который стал бы твоей первой ступенью к Олимпу. Я отказалась снять кофточку, хотя, поверь, мне очень хотелось. Но я была закомплексованная провинциальная девочка. Ты тогда страшно разозлился.... Это был первый шаг к нашему знакомству....

Опять в полудреме подтягиваю к себе блокнотик и карандаш, и рисую. Я пытаюсь вспомнить тебя в ту ночь, когда мы только разговаривали, спорили. Вернее, ты ораторствовал, пытаюсь тебя раскрепостить, но... Я тебя вижу.... Ощущаю тебя.

* * *

Юрий 1941 год

Нашел ту, что могла бы сделать меня знаменитым в один момент, а она оказалась всего лишь глупая, необразованная провинциалка с лицом богини, которая даже не знала, кто такие импрессионисты. Пришлось читать целую лекцию, но не помогло. И всё же я написал её по памяти... Ты была прекрасна в своей застенчивости, а я дурак только обиделся на тебя. Где ты теперь, моя девочка провинциалочка.

* * *

1980 год

Я перевернула холст. На почти пустом загрунтованном пространстве парила фея. Но лицо отнюдь не ангельское, а скорее плотское, живое, с огромными удивленными блестящими глазами. Его словно можно потрогать, погладить. Я невольно стала проводить рукой по «грубым» мазкам портрета. Отец не оставил идею, написать девушку в импрессионистическом стиле.

Мне стало вдруг как-то неловко, словно я вклиниваюсь в чужой диалог, подслушиваю что ли. Мое любопытство стало навязчивой идеей. Я глотала пыльный запах, который шел от дневников, холстов и фотографий с удовольствием. Оторваться от странной и пока непонятной мне истории любви никак не могла. Я как крот рыла вглубь к новым источникам воспоминаний.

* * *

Юрий 1941 год

Это было всего лишь год назад. Новый 1940-й год. Большой актовый зал. Девушка Тоня, отвечающая за вечер, подходит ко мне. Лицо насупленное, строгое.

– Юр, ты сам-то собираешься что-нибудь делать? Ты же отвечаешь за всю культмассовую работу.

– Тонечка, а что я не сделал? Все при деле. Мы работаем с невероятной отдачей, – мне смешно и весело, а Тоня только больше хмурится.

– Кроме тебя. Ты сидишь и насвистываешь какую-то фривольную песенку. Ведь так. А что это за песня? – Шепотом спрашивает Тоня.

– Это Эдит Пиаф. Слышала такую? Или в нашем комсомольском настоящем существуют только речевки и марши?

– Лучше займись делом. Ты абсолютный бездельник и болтун.

– Я тоже полон энтузиазма. Я наблюдаю, чтобы никто не отлынивал от работы.

– Да? А, по-моему, здесь полный кавардак. Для сцены ничего не сделано, – начала загибать маленькие пальчики комс-орг. – Скатерти нет, стулья не поставлены. Шарик. . . . А где шары? – Тоня вылупила на меня глаза, размером как раз с этих шаров, про которые я действительно забыл.

– Тонечка, как ты такими маленькими пальчиками удер-

живаешь кисти и палитру? – я захохотал, а Тоня покраснела и отошла на приличное расстояние и показала мне язык, пригрозив для острастки, кулачком.

Нужно кого-то найти и послать за шарами.

Всего год прошел. Кажется, что всё происходило не с нами. Анята, ты помнишь этот вечер?

* * *

1980 год

Порывшись в дневнике Энни, я нашла отрывок, посвященный новогоднему празднику.

* * *

Энни 1940 год

Пришла под утро и решила сразу всё записать.

Началось всё в общежитии. У Люды кто-то взял платье, в котором она собиралась идти на вечер. Я вошла в комнату и увидела рыдающую соседку по комнате.

– Куда дели моё платье? – голосила Люда. – В чём я-то пойду?

– Я не брала, – тут же откликнулась Варя, накручивая горячими щипцами волосы и всё время обжигаясь.

Я предложила взять моё.

– Давай! Только у тебя ничего интересного нет. А мне сегодня нужно выглядеть очень привлекательно..., – Люда схватила мое любимое платье в цветочек и продолжала говорить. – Анют, а тебе, что никогда не нужно ничего особенного? Ты ничего не просишь?

– Я чужого не люблю носить. Меня мама так приучила. Вы простите меня, это словно...ну... в чужой коже ходить. Как бы и жизнь не моя. В общем, не могу.

– Нонсенс. Ты просто привереда, – отреагировала Варя, дымясь сожженными волосами.

Я не стала отрицать. Пусть думают, что хотят. Но я их практически обманула. У меня был же мамин костюм, в котором я приехала в Москву. Я взяла юбку, нашла сбоку большие пуговицы. Получилось уже здорово. Сзади сделала

разрез. Ещё лучше. Блузочку я сшила ночью, такую же, как у артистки Серовой в «Девушке с характером» – с фонариками, а пуговички нашла маленькие, но такие же, как на юбке. С туфлями возникла проблема. Машины почти развалились, а у меня остались только парусиновые. Я быстро вышла из комнаты и побежала искать ваксу или краску. Поработав немного, получились чёрные туфельки в белый горошек. Таких я ни у кого не видела.

Когда я вернулась в комнату, то девчонки замерли от зависти. Говорить, что я сама покрасила обувь от бедности, не хотелось. Сказала, что мама прислала.

Я так подробно описываю эту подготовку, потому что это был самый важный вечер в моей жизни, как потом выяснилось....

* * *

Галина 1940 год

Из комсorghов меня всё же выгнали. Отец – враг народа. Приехал «перец» весь лощенный из Горкома комсомола. Вызвал меня в кабинет директора, которая стояла бледная и в мольбе прижимала руки к губам. Видимо, боялась, что я скажу что-нибудь лишнее. Мне уже было всё равно. Я была уверена, что меня отстраняют совершенно по другой причине – Большой дом так и стоял в моих глазах. Выслушав отповедь горкомовца, я ни слова не говоря, тихо вышла из кабинета. Стоило ли, вообще, ходить теперь в школу. Я ещё не знала, что очень скоро всё перевернется, и голову будут занимать совсем другие более страшные мысли.

* * *

1980 год

Какие разные судьбы у этих девочек, почти одного возраста. Странно даже не то, что одна переживала тяжелейшие времена своей молодости. Странно отношение к происходящему. Энни как птичка перепрыгивала с события на событие, хотя её полуголодная одинокая жизнь в чужой Москве была нелегкой. Моя мама ненавидела весь свет. Но, может, я неправильно оцениваю события и характеры. Просто одна умела скрывать проблемы, а другая их смаковала.

* * *

Энни 1940 год

Надо поступать в институт. Выбрать то я выбрала. Зачем я отказалась позировать тому парню? Теперь нужно самой искать где-то книги по живописи, попытаться разобраться в требованиях. Главное же написать хоть что-нибудь, чтобы меня допустили к экзаменам.

Ночью я взяла карандашик и блокнотик, которые висят у меня над кроватью, и попыталась вспомнить тот рисунок, который я сделала к поступлению.

Улица кривенькая, узкая. По разные стороны стоят маленькие домики, тоже покосившиеся. Только сады у всех потрясающие. На рисунке у меня весна, поэтому все яблони, груши, айва, вишня и так далее, в цвету. Я даже сейчас вспоминаю и испытываю невероятное счастье и чувствую запах, которого не было нигде больше. Из окон высунутые головы детей. На одной стороне улочки стоят еврейские женщины, которые сейчас пойдут на базар, с противоположной стороны – русские, украинки. Они пойдут на другой рынок. Польские дамы пойдут по торговым лавочкам. Вдалеке, стоишь ты. Нет, тебя тогда на рисунке не было. Но сейчас ты есть....

Посмотрев мой несовершенный, но, видимо, очень искренний рисунок, профессор (тогда для меня все были профессора) пробормотал – похоже на Шагала. Я не поняла хорошо это или плохо, и кто куда «шагал». В ВХУТЕИН меня

приняли.

P.S. Во время войны пыталась найти свою родню, но в разрушенном искорёженном доме, нашла лишь этот рисунок, пробитый пулей. Я послала маме копию этого «произведения». Не знаю, понравился ли он ей. Писем после начала войны я от них не получала....

* * *

Юрий 1940 год

Я тебя увидел сразу и вспомнил. Не знаю, почему не бросился к тебе. Наверное, обиделся, когда ты отказалась позировать.

Видел, как ты боязливоходишь в актoвый зал и огляды- ваешь всех собравшихся исподлобья.

– Вы к кому? – Я решил сделать вид, что не узнал тебя. – Девушка тут надо работать. А вы позорите высокое звание комсомолки своим тунеядством, – даже не знаю, почему я нёс эту околесицу. – Мне было просто весело и приятно тебя видеть.

– Я? – Я как раз ищу...

– Кого?

– Того, кто отвечает за вечер. Меня отрядили в помощь. Говорят тут запарка. Тот, кто руководит всем, мне сказали, бестолковый.

Ты насмешливо оглядела меня, и вдруг я увидел в твоих глазах узнавание. Ты покраснела и пролепетала, что не считаешь, что твоя помощь необходима.

– Хорошенькие девушки не бывают лишними, – я не знал, как тебя удержать.

– Я всё поняла. Пойду искать, кто тут самый главный.

– Стойте! Вы уже нашли. Это я.

– И, что же вы мне прикажете, товарищ маршал?

– Помоги мне надуть шарик. На эту трудную работу я могу назначить только ответственного человека. Вы же, как вас зовут, ответственный человек?

– Спасибо, очень женское занятие.

Анечка, ты была прекрасна в своем девичьем гневе. Я помню каждую фразу нашего бессмысленного и такого замечательного диалога, каждую смену выражения твоего лица....

– Не обижайся. Если честно, то я совсем о них забыл. Я сам буду надуть, а ты меня морально поддерживать.

– Хорошо, только я тоже буду надуть.

– Отлично. Как тебя зовут, напарник? Я, Юрий Волжин, студент третьего курса.

– Я, Анни Трушанская, студентка первого курса. Я вас после той «удачной» встречи больше не видела.

– Будем считать, тот случай не в счет. Я тоже вас ВИЖУ в первый раз.

Если ты когда-нибудь будешь читать строки молодого влюбленного, то запомни, всё это осталось навсегда и принадлежит только нам, нет тебе.

* * *

1980 год

Я, видимо, не знала моего отца совсем. Такого восторженного, покоренного и счастливого. Что произошло в его жизни, почему он так быстро превратился в молчаливого, очень сдержанного и язвительного человека. Будем искать дальше...

* * *

Энни 1943 год

На мне была потрясающая шляпка. Я её сделала сама в тон туфелек. Ты тогда ещё сказал, что в ней я похожа на барышню XIX века. Мне это очень понравилось. Когда я жила в своем местечке «Ступник», то только у одной польки-модистки были старые журналы мод. Оттуда я перерисовывала лица, прически и шляпки. Куда же делась тогда на вечере моя шляпка. Ты всё время издевался над ней, говорил, что, наверное, я лысая под ней и боюсь снять. Ты украл эту шляпку?

* * *

1980 год

Я закрываю глаза и слышу, как звучит папино любимое «Танго Татьяна». Вспоминаю, как начинаю кружиться под ёлкой, игрушки на которой, были сделаны всей семьей. Каждый приносил свое рукоделье. Игрушки развешивали ночью. Все старались тайком повесить своё произведение новогоднего искусства. Утром, собравшись за завтраком, по очереди старались отгадать, кто создал ту или иную самоделку. Перебивали друг друга, доказывая, что его теория узнавания самая верная. Если угадаешь, получаешь подарочек. В результате на столе маленьких презентов у тарелки каждого члена семьи возвышались холмики конфет, духов, игрушек и так далее. Потом, начинали обмениваться дарами, кому, что больше нравилось или было нужно для дела. В один из таких веселых праздников, мне было лет пять, папа вышел из-за стола и вернулся с чем-то, завернутым в газету.

– Анюта, закрой глаза, – папа совершал какие-то манипуляции на моей голове. – Открывай.

Я потрогала голову и нащупала шляпку. Кинулась к зеркалу и захохотала. Шляпка – прелесть, но велика мне. Всё время падала мне на лицо. Было смешно.

– Не теряй её. Она волшебная.

Куда делась шляпка позже, я не помню. Наверняка, как всякий ребенок, я забросила надоевшую вещь. Нет, вряд ли.

Отец просил её хранить. Я опять закрыла глаза. Кто-то входит в комнату. Я почти уже заснула. Этот кто-то что-то вытаскивает из шкафа. Я не испугалась. Скорее всего, либо няня, либо бабушка взяли, что-нибудь постирать.

Задумалась ненадолго. Сама не знаю почему, пошла в камеру в мастерской и стала искать шляпку и нашла. Потертая запыленная с пожухлым выцветшим горошком на ленте, она валялась в дальнем углу, поля у неё были сломаны. У меня появилось неприятное чувство. Зачем кто-то сломал поля, и кто? Я уже забыла, как она выглядела, а шляпка была прелестная, как игрушечная. Словно её надевали на куклу, такой маленький размер был у головного убора Энни. Неужели отец возил её с собой на фронт, или она хранилась в квартире и дожидалась хозяйки, которая так никогда и вернулась больше в этот дом.

* * *

Галина 1968 год

Мне всё время, на глаза попадается дурацкая шляпка. Юра уверяет, что это память о матери, а я чувствую, нет, знаю, что он врёт. Зачем? Я и так всё давно поняла.

* * *

Юрий 1940 год

– Я тебя ни разу не видел в институте. Ты на занятия то ходишь?

– Я хожу каждый день, а ты, видимо, редкий гость в мастерской.

– Да, у меня много разнообразных занятий и посещать занятия бездарных педагогов я не собираюсь. Лучше пойти в музей и там рисовать. Кроме того, у меня были блестящие педагоги ещё до института.

Я так старался тебе понравиться. Кажется, при этом говорил совершенно не то. Ты смотрела на меня, то ли с восхищением, то ли с презрением. В зале было темновато, я не очень разглядел.

– А где же ты бываешь, кроме института?

– В общежитие. Я много занимаюсь.

Почему-то при этих словах ты покраснела.

– Я тоже бываю в общежитие, но тебя там не видел. Ты из комнаты то выходишь?

– Выхожу. Ты наверняка забегаешь в другие комнаты.

– Да! Там, где весело и много красивых девушек. Ты же отказалась быть моей музой. Вот я и выбираю среди других.

* * *

Энни 1940 год

После твоих обидных слов я убежала с вечеринки. А мне так хотелось потанцевать. Я хорошо танцевала. Ты ведь этого не знаешь, и уже никогда не увидишь. Юрочка, мы всё пропустили....

* * *

1980 год

Не только они всё пропустили. Они как раз нашли друг друга. А моя мама? Как же она?

Я надела шляпку, подправила поля и подошла к старому зеркалу. На меня, сквозь почти стёртую амальгаму смотрела молоденькая Энни. Я тут же сорвала головной убор, чуть не выдрав половину волос. Не может быть. Я не могу быть дочерью Энни.

Затренькал телефон.

– Анна, у вас не было мысли о том, что наши родители...

– Не надо продолжать... Этого не могло быть. Дайте мне дочитать дневник вашей мамы. Всё станет ясно.

– Хорошо, постарайтесь это сделать до конца недели. Я должен уехать.

Почему ему тоже пришла та же мысль в голову. Он же не читает материалы моего отца, да и дневник Энни её сын тоже не освоил. Но что-то нас явно сближает.

* * *

Юрий 1943 год

Ты совершенно не умела рисовать тела. Я тебе не рассказывал, но как-то заглянул к вам в мастерскую. На постаменте, как всегда стоял натурщик. Ты даже глаз не подняла на него. Сидела вся пунцовая... Такая тишина стоит. Ночь. Помнишь, как мы по ночам гуляли по Москве, и я тебе рассказывал о разных зданиях. У тебя ротик всё время был открыт. Ты только охала при каждом новом открытии для себя.

Больше не могу писать. Всюду грохот, какое-то страшное зарево. Как будто небо горит. Если выживу, буду писать дальше. На всякий случай, прощай.

* * *

1980 год

Это же Сталинградская битва. Первый раз вступили в бой «Катюши». У папы есть даже картина на эту тему. Я повернула холст, который держала обратной стороной. Вот же он – красное с серым отливом небо, темно-зеленая трава и красная земля. А люди где-то далеко. Наверное, это те, кто погиб. Почему-то нет ни одного живого человека.

Я снова перевернула холст. Чуть ниже, чем предыдущая запись нацарапано «Так или иначе в этой битве погибли или были ранены все, кто телесно, кто душевно...»

«Те же, кто выжил, поняли это гораздо позже»

Под этой надписью стоит дата 1963 год.

* * *

1980

Время оттепели в стране Советов. Что-то ещё очень важное значил для папы этот год.

* * *

Галина 1941 год

Слава Богу, мы уезжаем из Москвы. Хотя и война, но маме будет легче, чем в тех стенах, которые давят как сапоги тех, кто забрал отца. Да и Наташа, и я хотим уехать. Наташа поедет с медицинским институтом в Джамбул, а мы с мамой в Алма-Ату. Там киностудия Мосфильм. Обещали закрыть на всё глаза и взять маму бутафором. Бедная, она такой хороший художник-декоратор. Но сейчас выжить бы. Мама очень плоха.

* * *

1980 год

Зазвонил телефон, я кинулась его искать под картинами, бумагами, которые покрывали весь пол.

– Да, – запыхавшись, откликнулась я.

– Анна, мне нужно срочно уехать, – даже не поздоровавшись, напряженно заговорил Jugi. – Звонила моя сестра. У нас в доме происходят странные вещи. Маша уверяет, что кто-то приходил в дом. Она заметила, что вещи находятся не совсем на своих местах.

– У вас, что нет прислуги, которая следит за домом? А может, это сама прислуга и сдвинула мебель, или что там ещё, статуэтки. Серебро.

– Анна, прислуга не могла. Наши работники все честные люди. Главное же, они прекрасно знают, где и что лежит. Им для этого не нужно рыться в столах, в книгах и так далее. Подробности я ещё не знаю.

– Вызовите «Скотланд-Ярд», – мне очень нравилось проносить эти слова. Я не очень верила молодому человеку. Мне, казалось, что он играет в какую-то игру. Зачем-то ему нужно, чтобы я срочно прочла дневник его мамы, который он и сам, хоть и с трудом, медленно, мог прочесть. Или дать кому-нибудь в Лондоне перевести.

– Поезжайте, с Богом!

– Анна, – тревожным голосом откликнулся Jugi, берегите

себя. ОНИ что-то ищут. Я даже догадываюсь. Но я могу не всё знать. Маша что-то невнятное говорила о какой-то ценной картине.

– Послушайте, скорее всего, эти «ОНИ» ищут дневник вашей мамы. Не допускаете такого?

– Не знаю. Кому и зачем, кроме нас он нужен.

– Ладно, не будем гадать, но я постараюсь дневник прятать, – я тоже взбудоражилась и занервничала. – Попрошавшись с заморским другом, я нашла дневник Энни.

* * *

Энни 1975 год

Вчера ходила в одно очень милое кафе и вспомнила, как ты водил меня в начале 41-го года в гостиницу «Националь» в кафе. Я как увидела всю эту шикарность, так впала в ступор. Я упиралась, как могла. Там сидела такая роскошная публика. Какие-то известные артисты, писатели. Они были одеты так изыскано, что я в своем сером сарафанчике, выглядела нищенкой. Я помню, как вся сжалась. Мне казалось, что я была голой, а они все знали, что мне здесь не место...

* * *

Юрий 1941 год

– Ты заслужила сегодня вознаграждение за попытку нарисовать тело натурщика. Тело, правда, так себе. Немного си нюшное и тощее, но ничего. Молодой человек у тебя получился несколько скрюченный, словно у него одна нога короче другой. Ты пропорций не соблюдаешь.

– Хватит меня учить. К третьему курсу я тоже научусь писать тела. А, вообще, я люблю рисовать лица. У каждого своя мимика, значит свой характер.

– Ты же рисуешь одних херувимчиков. Всё пошли. Сейчас увидишь настоящую московскую элиту.

Боже, какая ты была смешная. Тебе казалось, что все смотрят на твой небогатый наряд. Как ты обиделась, когда я «обнадежил», что на тебя никто не смотрит. Ты ещё боялась, что нам не хватит денег, чтобы в «Национале» поесть. Я же тебе не сказал, что получил первый гонорар. Отец пристроил меня в журнал, и я рисовал шаржи на всяких проходимцев – пьяниц, тунеядцев и тому подобное. Меня распирало тебе поведать об этом, но, в то же время, было очень смешно наблюдать, как ты рассматриваешь меню, как ползут твои изящные брови вверх, при чтении цен на блюда. Я прошу, прости меня, теперь. Я был молодой и очень амбициозный. Ты с трудом проглатывала маленькие кусочки десерта, словно ела денежные купюры, и они встают у тебя комом в горле. Жаль, что тот единственный «богатый» поход в московский ресторан, о котором ты мечтала, не стал для тебя приятным.

* * *

Энни 1941 год

Я тебя не нашла. Юра, они летали так низко, что я видела лица немецких летчиков. Ноги все в крови. Мы роем окопы. То ли дождь, то ли слезы льются, то ли пот застилает глаза. Сколько мы будем здесь, я не знаю. Как дать тебе знать. На всякий случай, в общежитии лежит записка для тебя.

* * *

Галина 1941 год

Мы едем на паровозе, в теплушке. У мамы поднялась температура. Ночью, кто-то стащил валенки. Как согреть мамыны ноги. Остановка. Нужно бежать за кипятком. Слава Богу, чайник, который с остатками чуть тёплой воды мы с Натой, подкладывали маме, цел.

Где мы? Вроде едем на юг, а пока всё холоднее. Я вышла из состава. Куда бежать за кипятком?

– Почему вы плачете? – на меня смотрел улыбчивый молоденький солдат.

– Не знаю, где взять кипяток. У меня мама очень больна. У нас украли валенки, – я заревела ещё громче.

Солдатик взял меня за руку и повел за водой, утешая смешными словами, будто сказку рассказывал.

Потом мы бежали к моему составу, который уже шипел, предупреждая об отправлении.

– Я тебя найду, Я тебя люблю, – солдатик вынул кусочек бумажки из планшета и нацарапал самые дорогие слова.

Я покраснела и нацарапала на той же бумажке «дурак». Кинув скомканный комочек бумажки, бросилась с чайником внутрь теплушки, которую уже закрывали. Я даже не успела сказать ему спасибо. Он ведь придал мне сил.

Когда я вернулась в вагон, то увидела, что мама совсем плоха...

* * *

1980 год

Я взяла листики, которые были аккуратно собраны. Это были письма бабушки Тани к деду. Медленно, внимательно читала я кровью написанные строки утешения. Она уехала, так ничего не узнав о судьбе деда.

Уже нет сил читать и страдать вместе с ними, но я старалась всё же, испить эту чашу страданий до дна.

Я взяла следующее письмецо, приготовившись ещё раз переживать трагедию моей семьи. Сначала я читала не очень внимательно, но неожиданный тон записки сконцентрировало мое внимание. Мне показалось, что письмо из другой чужой жизни.

«Я никогда не смогу смотреть тебе в глаза, гладить твои руки, волосы, целовать твои губы. Мне не нужна была такая жертва. Ты не должна была ходить к этому ублюдку, который измывался надо мной. Но, то, что я узнал от него, убило меня. Ты с ним переспала, чтобы меня выпустили...! Как ты могла?! Ты растоптала меня. Считай, что я не вышел из тюрьмы. Для тебя я умер. Я даже не хочу видеть дочерей. Если найдешь слова, объясни им сама как сможешь. Прощай».

Что это? Неужели мой дед Алексей Сергеевич мог написать такие слова? Кто этот ублюдок, к которому обращалась бабушка.

Я взяла альбомчик мамы.

Мама угасала. Перед самой смертью она поведала нам историю своей «любви» и жертвы, которую она принесла во имя свободы отца. Она боялась, что мы с сестрой её осудим.

Я же готова была растерзать отца. Натуля молчала. Мама уходила от нас, несколько успокоенная.

– Простите меня, девочки. Я сделала, как понимала, – глаза её закрылись, только слеза замерзала на щеке.

* * *

1980 год

Боже, как реагировать на весь этот кошмар. Я ещё не знала, что самое страшное впереди.

Я повалилась на пол и зарыдала. Не могу объяснить, чьи воспоминания больше всего меня задевали. Но прочитанные строчки из альбома мамы добились. Я с трудом встала с пола. У меня болели все мышцы, дрожали руки, и тянуло в душе.

Почему-то в голове вертелся вопрос: «А, тот мальчик солдатик выжил?».

Вспомнила, что дневник Энни нужно прятать или спать с ним в обнимку. Я решила, на время, отложить все картины, документы, воспоминания. Мне, как, оказалось, очень трудно было их читать, словно я залезла в чужую страшную тайну. Нет, не так. Я проживала вместе с ними перипетии их многослойной жизни. Охватить сразу я не могла, поделиться не с кем.

Я спрятала под матрас дневник Энни и легла, надеясь всё же заснуть. Последней мыслью было: «А где же всё-таки мой дед Алексей?»

Я ещё не знала, что бояться нужно не только за дневник Энни.

Спустя несколько дней я обнаружила, что за мной кто-то наблюдает. Этот взгляд жег мне спину.

Однажды, прейдя домой, я обнаружила, все документы и

картины, которые я уже сложила и поставила аккуратно, снова разбросаны. Обессилов, я села на пол среди погрома и стала думать, кому я всё же могу довериться.... Так, сидя и прижимая крепко дневник Энни, я заснула...

* * *

Юрий 1941 год

Я понял моего отца. Мы должны были вернуться, чтобы защищать свою Родину, свой род, себя.

Я оказался в паре с одним профессором. В руках у нас была только саперная лопатка. Оружие мы должны были добыть в бою.

Профессор был ополченец. Человек лет сорока пяти, в очках. Он очень подходил мне. Мы всё время смеялись. На нас оглядывались другие, испуганные и хмурые люди, не понимая нас. Ведь мы же шли на войну.

– Юра, когда немцы начнут сбрасывать бомбы, падайте прямо на дорогу, а не в окопы.

– Почему? – удивился я.

– Если они целятся в дорогу, то практически девяносто девять процентов из ста, что не попадут. Это я вам, как математик говорю. Это теория вероятности.

Я послушался старшего товарища. Он оказался почти прав. Несколько раз бомбы всё же попадали в дорогу. Но нас, к счастью не задело. Остальных раненых, несмотря на приказы «товарищей» из СМЕРШа, мы взваливали на себя и волокли до ближайшего медицинского пункта. С нами была медсестричка. Кого могла, перевязывала, давала обезболившее. Но, многие были ранены серьёзно. Мы давали им спирт. Его было немного. Хотелось пить его самому. Было страш-

но. Только мой профессор всё время рассказывал анекдоты и истории из его интересной жизни.

Как ты там, Анюта? Где ты? Я обязательно тебя отыщу. Ты же меня знаешь, я парень находчивый...

* * *

Энни 1941 год

В Москве паника. Все бегут. Нас срочно эвакуируют. Я не знаю куда. Не говорят, страшная тайна. Где ты? Я ходила к тебе домой, но никого не застала, хотя соседка сказала, что дедушка и бабушка точно здесь. Я оставила записку. На всякий случай нарисовала себя, как могла. Ты же помнишь, что лица мне всегда хорошо удавались. Так хотелось попросить любую твою работу, но не у кого.

Надеюсь, что найду тебя в институте, как только нога заживет. У меня кроме моих хлипких промокающих ботиночек ничего нет, а нога чернеет. Врача найти не могу. Все бегут, собираются. Никто никого не слушает и не слышит. Говорят немцы уже около Москвы.

Люблю тебя. Я никогда тебе не говорила, но без тебя мне не хватает кислорода, и ещё, я боюсь без тебя. Целую Анни.

* * *

1980 год

Как жаль, что папа так и не прочел послания. Может, она на фронт ему писала. Знала ли Энни, где папа воюет?

Я читала дневник Энни на работе. Там его и оставила. Не заходя домой, поднималась в мастерскую. Теперь, когда я обнаружила отцовские записи на картинах и рисунках, очень аккуратно ставлю просмотренное, в один угол, а неизведенное в другой. Рисунки складываю отдельно. Есть же ещё огромное количество фотографий. До них я ещё не добралась. Шла по лестнице медленно, словно дневник Энни, мамин альбомчик, отцовские записи пригибали меня к земле. В то же время меня, как наркоманку, тянуло узнавать всё больше и больше. Надеялась узнать что-то особенное? Не знаю.

Я вошла в мастерскую и обомлела. Все работы, мебель, фотографии, даже папин китель и мамина шинель – всё было разбросано, растоптано. Каморка разломана и оттуда вывалились вещи, которые я ещё не видела, не нашла, а ОНИ нашли. Кто эти искатели? Неужели всё происходит из-за дневника Энни? Нет. Не стали бы, инкогнито, разбрасывать картины и рыться в фотографиях. Я заплакала, то ли от досады, то ли из-за боли, что самое дорогое для моих близких и меня, растоптано чужими грязными ногами, расхватано мерзкими руками.

Я сидела под окошком и машинально собирала моё богатство. Мне стало страшно. Но поговорить на эту тему не с кем. Никто из моих подружек не поймёт меня. Они и так считают, что я слишком увлекаюсь прошлым и абсолютно не гожусь для компании. Я не люблю танцевать, пить, только курю. Мне не интересны их разговоры, у какого фарцовщика или спекулянта лучше покупать кофточки. Где они точно фирменные, а где подделка, хотя всегда, как мне казалось, была одета стильно и изящно.

Я увидела шотландскую беретку и шарфик, на которые кто-то, наступил. Отпечаток грязной рифлёной подошвы меня безумно разозлил. Я вскочила и понеслась вниз, в квартиру. Там было не лучше. Дедушкин кабинет весь растерзан, книги скинуты со стеллажей, стол перевернут. В большой комнате было относительно прибрано. Наверное, ОНИ начали отсюда и старались сначала не наследить, а потом пошли в разнос. Или наоборот, последней была гостиная, а ОНИ выдохлись. Не могли они искать дневник Энни.

Я старалась успокоиться. Во-первых, откуда ИМ знать, что он у меня? Но, если ОНИ следили за Juri, то тогда это КГБ. Не может быть. Они всё делают осторожно и давно могли стащить дневник, ещё до того, как в Лондоне кто-то наведалься в квартиру Энни.

Голова у меня раскалывалась. Позвонить в Лондон? Боюсь. Все телефоны прослушиваются. Сидеть и дрожать в одиночку. Кстати замки ни в мастерской, ни в квартире не

взломаны. У кого же есть ещё ключи или это отмычки?

Я надела пальто и пошла вниз в подъезд. По пути я встретила нашу соседку тётю Мусю.

– Нюся, куда ты, на ночь глядя? – Соседка была искренне обеспокоена.

– Хочу пройтись, душно, – я решила, что пока спрашивать у тёти Муси ничего не буду, хотя она целый день дома. Всё слышит и видит. Уйдя на пенсию, её и без того сильное любопытство, перешло в навязчивую идею. Всё, что происходило в нашем доме, соседнем, да, по-моему, по всему району, было известно Муси досконально. – Я пойду, я скоро. Вы уж присмотрите за моей квартирой, – ехидно бросила я реплику, надеясь, что тётя Муся отстанет.

– Обязательно, ты не волнуйся. Вот, сегодня, кто-то всё топтался на нашем этаже. Только я не поняла, кого искали. В глазок плоховато видно. У нас же четыре квартиры на площадке. Твою не очень хорошо видно, а напротив....

– Я поняла, тётя Муся. Наверное, ошиблись, – крикнула я уже из двери подъезда. Если сейчас не уйти, то соседка не слезет с любимой темы до утра. Мне же нужно подумать. На улице мне было менее страшно, чем дома.

Нужно понять, что могли искать, а для этого, если отметить поиски дневника Энни, нужно вспомнить события жизни нашей семьи, хотя бы что-то наведет на мысль. Я шла и шла. Остановилась и почувствовала, что за мной тоже кто-то остановился. Я оглянулась. Никого.

Кто бывал у меня после возвращения домой. Кто мог вытащить ключи. Или это было на поминках?

Размышляя и гадая, я дошла до дома подруги. Посмотрела на часы. Половина первого ночи. Катюша ещё не спит. Мне было стыдно себе признаться, что идти домой мне страшно. Я договорилась с собой, что проделать обратный путь тяжело и опасно. Мне и так с момента разговора с Juri всё время кажется, что за мной следят.

Я позвонила в дверной звонок. Какое-то время было тихо. Я уже решила идти обратно, но в это время услышала ворчание Кати за дверью.

– Аня? Что случилось? – Катя была не на шутку обеспокоена.

– Почему должно что-то произойти, чтобы я пришла к близкой подруге, – мне было немного стыдно. Я думала о том, не подставляю ли я Катю, не падут ли на её голову неприятности?

– Просто... ты же всё время бежишь домой последнее время, словно за тобой гонятся. Ты стала замкнутой и задумчивой, ни в меру.

– Катенька, ты же знаешь, что я за короткий срок потеряла всех близких. Трудно веселиться, когда...

– Прости. Я всё же тебя немного попробую развеселить. Раздевайся, – подружка пошла вглубь квартиры на кухню. Я была рада этому, потому что мне нужно было переместить дневник Энни, вытащить его из-под джемпера, где он выпи-

рал и засунуть... куда же его положить? Я решила, что в колготках, сзади, ему будет вполне уютно. На всякий случай, я накинула длинный платок, который висел у Кати на вешалке.

– Ты что мёрзнешь? Хочешь, дам тебе теплую кофту?

– Нет. Мне так очень хорошо.

– Так вот. Ты знаешь, что у Марины с Петькой роман. Сегодня такой скандал разгорелся в нашей комнате. Его жена, Жанна, которая работает редактором, примчалась... Кто-то ей настучал и чуть Маринке все волосы не выдрала. Кстати, а где ты-то была? – Катя не умолкала ни на минуту. К счастью, ответы ей были не нужны. Она продолжала монолог, быстро меча на стол всё, что было в холодильнике, резала овощи, колбасу и ещё какие-то продукты, совершенно не мешая мне думать.

Когда мы закончили трапезу, Катя вдруг поинтересовалась, а как я оказалась у её дома в столь поздний час.

– Я ездила к одному автору. На обратной дороге обнаружила, что забыла ключи от дома на работе. Автор живет недалеко от тебя. Кроме того, пожилую соседку не хотелось будить. У неё есть запасные ключи. Произнеся эту фразу, я похолодела. Тётя Муся – любопытная дама. Сама ли, или дала ключи кому-то. Могла? Вполне. Мне уже хотелось бежать обратно, но быстро сообразив, что такой поступок бессмысленный, я попросилась спать.

– Я же тебе ещё не показала, что я себе прикупила за последнее время. На работу не ношу, чтобы наших старушек не

дразнить. Хочешь, вместе пойдём, в одни чудесные гости в субботу? Дом потрясающий, хозяйева тоже. Туда нужно приодеться. Я сейчас всё выложу, а ты скажешь, что лучше надеть.

– Катюнь, давай ближе к субботе обсудим. Я всё равно сейчас ничего не соображаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.